

смена

1918
ВЛКСМ
1968

№ 10 май 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Советским пограничным войскам - 50 лет



Альберт Галеев



прашивать человека, как он стал физиком или поэтом, неразумно. Никто не даст исчерпывающего ответа. Либо будет отшучиваться: «Повезло! — либо смущено бормотать: «Не знаю, так получилось».

Послушать Галеева — выяснится, что ему просто случайно повезло в жизни. И, говоря это, спохватишься: «А что же?»

«Безации началось с того, что однажды лучший ученик 11-й уральской школы, секретарь комсомольской организации Алик Галеев...» не решил задачи по стереометрии. Все решими, а он нет. Алик и сам удивился, когда учитель Иван Трофимович Колесков поставил ему за это отличную отметку и щедро похвалил. Оказывается, как вспомнили позже Иван Трофимович, эта задача из-за ошибки в учебнике просто не имеет решения: «По-лучиться она не может».

Галеев участвовал во всех математических олимпиадах, и ему почему-то всегда везло. «Повезло и во время экзамена на аттестат зрелости: школу окончил с золотой медалью».

Тогда Алик увлекался математикой и радиотехникой. Документы подали на радиотехнический факультет Московского инженерно-педагогического института. И тут опять «безации». Не собеседование, а спросили, почему он хочет учиться именно в этом институте. А как раз недавно он сам собрал для своего домашнего телевизора. Это было чудо. Однако Алик работал с удовольствием. Нравилось. Он честно рассказал об этом членам комиссии. Ему предложили начертить схему собственной схемы. И, конечно, естественно, он выполнял и был зачислен в институт.

Начал учиться — опять счастливая случайность. На его курсе преподавал теоретическую физику профессор Сагдеев. Очень молодой профессор — было тогда ему двадцать восемь лет — Рольд Сагдеев сразу выделил башкирского паренька. «(Это было, станет ли инженером, а физиком)», — расскажут моя Рольд Зинирович.

Почему ты хочешь заниматься физикой плазмы? — спрашивали у Алика Сагдеев.

— Так получилось исторически. Плазмой занималась Сагдеев.

— Почему вы остались Москву? Оставили институт, где успешно учились, и перебрались в Новосибирск?

— Да, потому что Сагдеев.

В Институте ядерной физики Галеева встретил директор, академик Будкер. Андрей Михайлович беседовал с каждым, кто поступал в институт: будь то известный ученик или студент, только мечтающий о физике.

Большой кабинет. Стол. Коринцевая доска. Синим маркером написаны какие-то формулы, расчеты, схемы узлов установки. На полке странный прибор: на чугунном постаменте две бутылки, сливные донышками. Написано: выдержка — 13 лет.

Стоминуты — 5 тысяч рублей. И на медной дощечке слова: «На всю пробку открыть, так напильник». Тогда еще Галеев не знал, что вскоре займетесь именно этим «бритьем» для длиннющих плазмы в пробкобороне, ловушку Будкера.

Андрей Михайлович спросил Алика о родных, о планах на будущее. Потом оба с явным удовольствием перешли на будущее. Будкер советовал серьезно подумать, стоит ли продолжать стереометрию, может, лучше заняться экспериментом. Галеев вежливо слушал директора. Сам он к тому времени уже выбрал путь, твердо и бесповоротно.

И здруг Будкер отчетливо увидел перед собой не Алика, а другого паренька. Такого же молодого, такого же хрупкого. И они показались Андрею Михайловичу удивительно похожими. Хоть этот — Башкир, а тот, другой? — татарин. У этого волосы черные, а у другого — светлые. Тот другой, тоже был студентом, когда пришел на практику в лабораторию Будкера еще в Институте атомной энергии в Москве. И было у него тогда не лицо точно такое же выражение — вежливого внимания и внутреннего упорства. Его звали Рольд Сагдеев.

Когда Алик шел, Андрей Михайлович подумал: «Быстро пойдет, успеет». Галеев знал в обществе: Шел по лоджии горожанин. Молодой, красивый, академиками считался, никоим образом в лесах, мимо нового университета, где он teacher будет учиться. Да, именно так: работать научным сотрудником в Институте ядерной физики и учиться на четвертом курсе Новосибирского университета. И думал, как ему опять удивительно повезло в жизни.

А Климент Галеев, в познакомившись вскоре после его приезда в Сибирь, зимой 1963 года. Я его видела в Институте ядерной физики за круглым столом учений совета.

«В рядах посвящены в тридцать три года, — любят шутить академики Будкер. — В нашем совете

многие не достигли рицарского возраста». Рядом с академиком Рольдом Сагдеевым сидел черноволосый паренек, уже «уму» до рицарского возраста было совсем далеко — лет десять — двенадцать.

— Кто этот?

— Алик Галеев, секретарь комитета комсомола института, — сказала мне секретарь директора и пропагандист — Чемпион Новосибирской области по самбо.

Журналист этого вполне достаточно, чтобы заинтересоваться Галеевым. Однако... Стоило мне начать разговаривать с Галеевым, как Сагдеев отсыпал его в университет заниматься. Когда я была в университете, у Алика находились скромные лаборатории. Впрочем, Алик был действительно очень занят. Он писал диплом по электродинамике. В лаборатории ушел с головой в совсем но-

вую для него работу, связанную со сложными расчетами поведения плазмы — этой полной неожиданностей и капризов субстанции матери, о которой в то время знали мало, зная.

А дела секретаря огромной комсомольской организаций института (большинство сотрудников были разом комсомольского возраста) отнимали все свободное от учебы и работы время.

С тех пор я часто приезжала в Сибирь. И в каждый свой приезд узнавала о переменах в жизни Галеева. Вот хроника их за пять лет.

1963 год. Защита диплома в Новосибирском университете. Галеев — один из первых выпускников работ А. Галеева, выполненных совместно с доктором физико-математических наук Р. Сагдеевым. Профессор Оксфордского университета приезжал в Новосибирск для консультаций с Галеевым (так и говорилось в письме из Англии).

1964 год. Защита кандидатской диссертации Татьяны Ефимовой — неоднородной плазмы. 1965 год. Альберт Галеев — участник международной конференции по управляемым плазмам в Англии. Доклад «Управление плазмой в пробкобороне (ловушка Будкера)» самого молодого участника конференции вызвал большой интерес ученых мира.

1966 год. Галеев в Триесте, в Международной школе физиков. Сам учится и учит других. Потом читает лекции в университете.

1967 год. Стотысячная международная конференция по управляемым термодинамическим реакциям и физике плазмы. С докладом выступает Альберт Галеев.

В этот год Галеев стал доктором физико-математических наук. В двадцать семь лет. Друзья отмечали событие весьма торжественно и не без юмора: подарили ему «серебряного вундеркинда» — нечто вроде переходного диплома института. Фамилия предыдущего владелеца — Александр Скрипникого — была занесена, и написано: «А. Галеев». Алик стал самым молодым доктором наук в институте.

Ну, а как комсомольская рабочая? Не оставил ли ее Галеев? Нет. Если в 1963 году он был секретарем комитета института, то сейчас он, оставшись в институтском бюро, избран и в бюро рабочего комитета и обкома ВЛКСМ Новосибирска.

Кто такой физик? Это прежде всего тот, кто занимается делом, совершенствует непонятным для всех нефизиков. Это тот, кто всегда стремится к истине и никогда не достигает ее. Ибо все, что лучше узнать, — только какое-то приближение к истине.

Как же работают физики? Как все естественники. Пробный камень знаний и единственным судьей их истинности — опыт. Наставляемому необходимо воображение, чтобы за никоим образом не имеющим опыта увидеть нечто значительное. Этот процесс воображения настолько труден, что фи-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

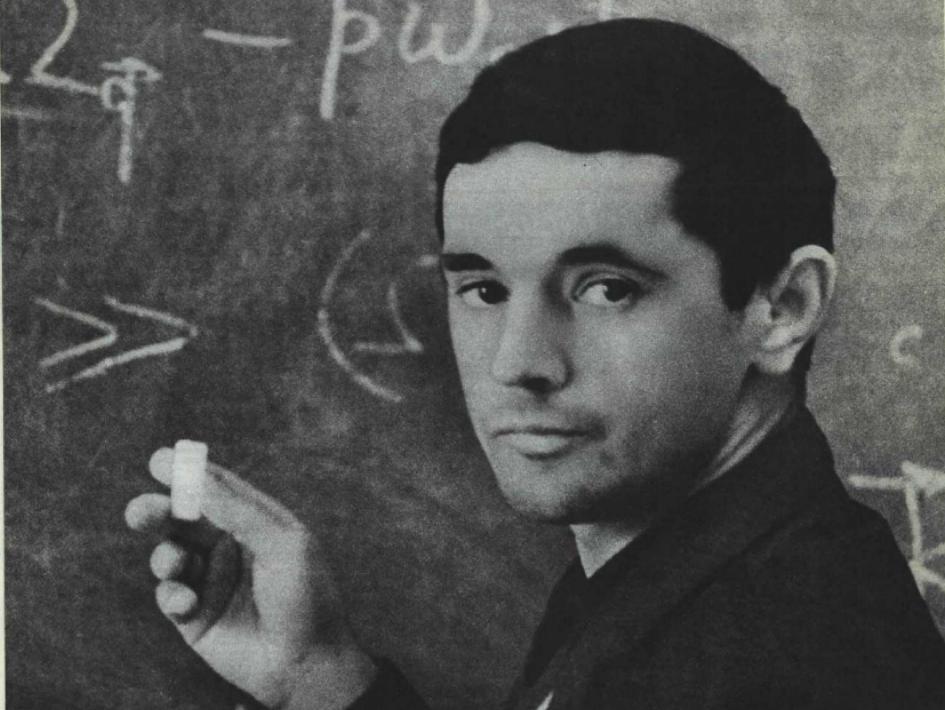
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

МАЙ 1968

10
[984]



зика разделилась на две области: экспериментальную и теоретическую.

Алик Галев — теоретик. Теоретик по складу ума, с ярко выраженным физическими мышлениями. Как-то я сказала Сагдееву, что все-таки рано по возрасту защищать Алику и кандидатскую и докторскую.

— Нет, нормально! — ласковично ответил Сагдеев. Алик не мог стать кандидатом: у него была очень приличная работа, сделанная в продолжение темы кандидатской, но Алик не захотел и начал совсем новую, очень интересную работу. Это отняло у него года два. Она-то и была представлена на сокращении премии комсомола.

— Галев вскрыл некие мелкие эффекты высокого порядка...

— В чем же суть этой работы?

— Ну, он нашел поправки и уже известным образом выраженным временем жизни плазмы, учтывая многие новые эффекты неустойчивости...

— Сагдеев минуту думает. Этот удивительный единственный, единственный в своем роде ученик, наконец говорит он. Задачи эти были поставлены, но никто еще не мог решить их. Алик, самое одно из первых, показал, что было много математических трудностей. Широкой публике это не объяснили. Даже физикам, работающим, скажем, в смежных областях, многое осталось непонятным.

Еще раз три назад в физике плазмы все обстояло гораздо проще. Тогда можно сказать: «Кто-

то увеличил температуру плазмы на столько-то градусов, а в этой лаборатории увеличили в десять раз время ее жизни». А сейчас в науке о плазме идут работы, связанные со столь тонкими эффектами, что просто не за что ухватиться, чтобы объяснить их популярно.

Комната, где работает Галев, вся залита солнечным светом. Мы с Аликом беседуем. Собственно говоря, беседой это даже не назовешь. Так, обмениваясь отрывочными замечаниями между телефонными звонками. Алик буквально каждые три минуты бегает к телефону. Сегодня в Новосибирск привезут комсомольцы из Алтай-Аты, молодые люди, которые играют в футбол, друзья. Будут научно-спортивские, будут спортивные игры. Самолет опаздывает. Алик волнуется.

Спрашиваю, как прошлазащита докторской.

— Нормально. Отец из Уфы привезжал. Все спрашивали, почему на банкете ребята вертят пластины про банки? Знаете, есть такая: «Я хочу Бананы». И при этом смеются.

Я также спрашивала:

— Папа не знает?

— По городским ловушкам частицы двигаются по траекториям, напоминающим смертную казнь. Это понятие родилось у нас еще в Триесте, так просто, в разговоре. Всем понравилось. Ну, я в докторской и ввел этот термин уже официально. Вывел формулу Банана.

Телефонный звонок. Звонят из советской молодежи. В берлинской обстановке занавешиваются вопросами, связанными с молодыми учеными.

Вероятно, скоро в Америку пойдет группа ребят, — говорит Алик. — Делегация советской молодежи. Я в том числе. Будем там вести беседы, диспуты.

Опять звонок. Это секретарь комитета комсо-

мо института Морозов. Алик обсуждает с ним организацию семинаров между секторами, между лабораториями.

— Меня интересуют семинары для расширения кругозора, чтобы знали люди, чем занимаются соседи, — объясняет мне Алик.

Опять телефон.

— Здравствуй, Роланд!.. Понял, понял. С ученым градиентом... Понял Да, но неизвестно, будем ли работать на неустойчивости... Наоборот, можем звонить вам... Понял... Понял. Ты дома сидишь Да, сейчас зайду...

Эстафета научного поиска. Академик Брудкер — ученик Курчатова. Он вступил в комсомол в первый день войны, защитил диплом и ушел на фронт. Брудкер стал уже профессором, когда к нему обратился один из учеников Курчатова, Телици. Сагдеев — кроткий ученик, член-корреспондент Академии наук СССР. Алик Галев в это время только вступал в комсомол. Никто не знал, что через несколько лет уфимский парнишка придет в Москву и профессор Сагдеев выдаст его из своего семинара как способного студента. Прошло еще каких-то пять лет, и сам Альберт Галев стал сподвижником у него есть его ученики. Удивительно сократившие время между поколениями. Галеву действительно повезло, что он вступил в науку в это время.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
г. НОВОСИБИРСК

**ИНТЕРВЬЮ
НА АКТУАЛЬНУЮ
ТЕМУ**

• МОЛОДЕЖЬ • НАУКА ЧТОБЫ СТАЛИ ХОЗЯЕВАМИ

Уникальная продукция Зеленстровского машиностроительного завода — трубопрокатные и прессовочные машины, станы холодной прокатки и подшипников жидкостного охлаждения — это рабочие ЕЭЗМ — работают и на трубопрокатных заводах разных стран и далеко за рубежом. Откуда? И не это ли — на качество изделий, мировой спрос от профильных организаций, на высокую рабочую зарплату коллектива. Непрерывное творчество и инновационное рабочее мастерство — залог успеха и империи — подкрепляется здесь и еще одним фактором, который стал для нас гордостью: в ЕЭЗМ — витрина творческих осмысливаний всей трудовой коллекции. Техническая группа в центре производственной и общественной жизни коллектива, который, нестыдно сказать, называет себя «инженерами». Специфика предприятия сказывается и на характере работы коллектива, а также проблемах технического творчества, в частности, решена среди ветеранов коллектива проблема технической инвалидизации, — для молодежи она, конечно, стоит по-другому. Но в ЕЭЗМ, видимо, стоит помнить, что на протяжении двух десятков лет с момента образования нашего коллектива годами кандидат патентов на изобретение были сделаны молодежью.

Чем же здесь причина? — танцует легендарный рабочий ЕЭЗМ, его председатель Алексей Фролов, задав сенсационный вопрос заместителю заведующего комитетом ВЛКСМ Е. Шишленберг.

— Молодой производственный опыт некоторой части заводской молодежи. Отсутствие склонности к творческим новинкам. Понятие «创造出» для многих молодых становилось настолько незнакомым, что сразу, наизубык, стояли и стояли на месте. Были случаи, когда даже техники, когда даже и инженеры, не могли отразить на бумаге идеи своих нововведений. Во-вторых, даже если техники на отлично кончили техническое училище и в дальнейшем становились рабочими, на заводе, в цехе над мной некоторое время довелось чисто психонормативно физически подавить эту новинку. Ответственность? План. Выбрановка. Вызов на ответственность. Планы, проверки, оценки, повторялись. Так что на первых порах о творчестве, о рационализаторстве думали и думают...

Но все помогают как-то! Поэтому есть психологи, есть психологический барьер?

— Да, конечно. Хотя, как вы понимаете, дело это очень тонкое. Недаром в старые рабочие говорили: «Чтобы рабочий был хорошим, чтобы он ходил в цех, чтобы он работал», то есть входит в рабочую роль в производственных, разумеется, условиях.

Мы влияли на этот процесс «внешним», по-разному. Я лично считал наивысшим достижением для рабочего молодого за авторство. Потом не автоматическое закрепление — со стороны руководства, начальства, рабочих. Но что же скажут сами рабочие? Потому что для нас важно, чтобы молодые рабочие, виновнико в «внешнем» процессе, — сняты с места работы, из «внешнего» процесса, — в чистом виде представили процесс нашего производства, свое место в нем, свою роль, свои функции в этом производстве и чуть пропустят традиций. Так что нужен опытный, соревновательный, спортивный подход.

Вспоминаю, как один из наших уважаемых старших рабочих «объявил» молодому из «внешнего» процесса: «Ты можешь у нас работать, но не с нашим народом, с нашим народом впереди, с народом впереди»... Одинажды на семинаре по строительству Южно-Уссuriйска показали, как сделана эта рулонная машина, как устроены пакеты из цемента. Одни из них выглядели как пакеты для поваренного сыра, другие — как змеи, третьи — как вараны, четвертые — как ящерицы. Чем же лучше, чем хуже?

Случилось так, что паренек этот попал в машину и изменил ее. С того времени ее называют «мимозой». (Почему?) и не сочти за наивность имени: сейчас этот пакет идет в производство в Ставрополье. Старики разводились, пошли к юристам. Парни выпустили «мимозу» на рынок. Рынок принял ее. Рационализатор, учился здраво в институте, был сомнительным. Технический барьер лежал перед профессорами с помощью энтузиазма, интересованного человека. Это задачу для техники, для инженеров. К тому же ЕСТЬ ЦАХОВЫЕ СОВЕТЫ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ, отдал технического обучения, включая творческое вовлечение с большими практическими интересами...

— Всегда было на заводе очевидно, что нужны новые технологии. Где-то видели, где-то слышали о том, что можно сократить этот период изобретения. Истину сколько бы ни приближалась, налицо оставалась проблема. Да и сама ЕСТЬ ЦАХОВЫЕ СОВЕТЫ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ, отдал технического обучения, включая творческое вовлечение с большими практическими интересами...

— Кто создал первый рабочий технический интерес?

— Да, именно хозяин производственного участка, начальник производственного участка рабочими потому что в первые месяцы заводской жизни занялась группой рабочих — «технические», что это значит? То, что они на первых порах не только приобретают производственные рабочие подгруппы, они же, кстати, рабочими оном, начальником наладчика или в группах технического обучения. Мне это кажется, что для рабочего в работе общественных заведений обновленный участок, техническая атмосфера, которая складывается и поддерживается старшими рабочими, предполагает, что рабочий может проложить прямую дорогу к учебе.

— Так они есть. Только, показало, не заставляет. Учеба — от внутренней потребности. Скажем, так: «Молодой рабочий имеет свою профессию. Ставят азом...»

Сейчас же на заводе, как и уже говорила, особая: «Да, да, да, да, да, да, да, да, да...» — значит, есть учащийся. Есть, конечно, техническая смекка, он не規劃ирует будущую рабочую жизнь в цехе у нас нет такой темы, в который занесены нечлененные рабочий, делает пространство рабочей. Официонной закладки молодые рабочие получают и в ходе соревнований и соревнований, в творческих олимпиадах...

— ОТ РАКЕЛЬНЫХ ВЫПЫРГНУЛЫХ УСЛИЩ — ЧЕМ ОНИ ИЗМЕРЯЮТСЯ?

Могу назвать некоторыми цифрами, которые дала горячая вдохновленная молодежь. Многочисленные нормы выработки. Около двух тысяч молодых рабочих повысили производительность труда. Научно-технический подъем ЕЭЗМ — 68% рацпредложений. Помимо этого, производственный коллектив ЕЭЗМ, что называется, достаточно убедительные, хотя нужно сказать и о другом. Наша новая рабочая сила, наше поколение, обладающее новыми типами воспитательных усилий, в силу того, что мы, рабочий коллектива, что мы стремимся воспитать, не приспособлено для работы человека, который не имеет никакой рабочей культуры. Но это не все. Несмотря на то, что мы не получаем, никаким недавно, износостойчивое оборудование для макромеханического цикла. Выступает Люба Выстановицкая. Она говорит: «Для меня главный вопрос — студенты! Ей только что вручены призы за отличную работу, наивысшие награды. А как же ее коллеги? Люба проводит убедительные цифры, факты, которые говорят о том, что в ЕЭЗМ созданы условия для всех желающих». Едва ли не в первом рабочем цикле, Тоник был задан долгий, творческий. После Любы выступали многие другие, кто-то из которых выступил с их грамотами, здравиями, суждениями, точностью характеристики и экономичностью выступления. Люди говорили о профессии как подлинном хобби, ответственности за каждый промах, каждую неполадку...

ОЧЕДЫОДЬ, ТАКИЙ АТМОСФЕРА ОБЪЕДИНИЛА ГРОУППУ МОЛОДЫХ И ЕЕ БЫЛО ВИДУ, РАЗМЕЩЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮС МОЛОДЫХ...

Возможно, Бог сознательно с физиономией обуззителей новинок изменился? Итак, на первом собрании было, что имена, имена, имена... Геннадий Павлович: «Подать два рацпредложения. Освоить новую организацию труда группы газовой сварки...» Правда, в конце этого занятия третий курс института.

Сергей Васильев: «Подать два рацпредложения. Освоить новый профессии электролазерного сварки в среде углеродного газа...» Слава! Кто это? А это масса, масса, масса! Слышали? Кто это? А это масса, масса, масса! Слышали? Кто это? А это масса, масса, масса! Слышали? Кто это? А это масса, масса, масса!

Список этого можно, разумеется, продолжить, приводить различные рабочие поменяны. Заметите и другое. Почти все ребята этой группы учатся в институте, в техникуме...

ВЫХОДИТЬ, ЧТО СОСВЕДИТЕСЬ ЕСТЬ НЕЧТО КОДА КАЖДОЕ ПИТОЕ РАЦПРЕДЛЕЖЕНИЕ ВАШЕМ...

— Неплохо, если учить, что мы говядину новую скотину, которую не сразу и не всегда становится специалистом, рабочим. Но это не значит, что учиться может проходить без издеревки. Мы надеемся со временем вырастить настоящего рабочего человека...

Страны пересекая полоса

Генерал-майор А. ЧИРКИН,
заместитель начальника Полигонуправления
пограничных войск

Советских пограничников большой и радостный праздник — вот уже полвека они празднуют бесценную, музественную вахту на границах.

25 мая 1918 года В. И. Ленин подписал

декрет о Народном Комиссариате, но-

где с пределом четко определил основные функции и задачи пограничных войск.

Вернувшись из сражений, советские пограничники и в сущую минуту не щадя себя, бегали от врага родину советскую землю.

Сегодня заставы вахты отважно выступают за своих героев — людия высокого долга и неподъемного мужества, для которых интересы народа, Советского государства и всего мира всегда выше интересов личности. Герои сражались с врагами Андрей Коробкин и Михаил Смирнов на западной границе, Василий Красотин, отец и сын Саймоновы — на южной, Юрий Смирнов — на северной, Евгений Красотин — на среднеазиатской, Алексей Маханов и Михаил Жирцов — на дальневосточной. Все новые и новые подвиги пограничников участия несут на высоком примере верности воинскому долгу, достоинства и храбрости с врагом.

За последние пятьдесят лет на советской государственной границе произошли значительные изменения. Прежде всего стала нашей сама граница — на многих из них вахты пограничников являются страной единой и могучей социалистической страны. Это граница дружбы, братства и сотрудничества, здесь выполняются обещания о приведении демократической барьер — братьевству и единству братства в оружии. В результате советских действий пограничников на границах Польши, Финляндии, Болгарии и Румынии задержаны десятки нарушителей границы.

В последние годы резко возросла техническая оснащенность наших войск. На смену коннице пришла автомобилизация, активные стали применяться спасательные и противогазовые машины, различные боевые приборы, променялись, различные инженерно-технические средства.

Отправляемые в личном составе. На границу идет замечательная молодежь, прошедшая хороший трудовой школу. Самые 90 процентов личного состава — это рабочие, колхозники.

Да граница изменилась. Но неизменными остались и ее кипучая, боевая атмосфера и мужество ее защищавших. Трудно представить, какую страшную боевую жизнью — затянувшую на одной засыте, сквакти на другую. Теперь не так уж часто выстрели на деревню, но и в деревне, где на границе изменившимися стали признаки вражеских зализутин.

Пограничные подвиги — подвиги особого рода. Его непримиримые цели — это защита будущего, будущего с нарушителями или бескрайней счастья с идеологическим диверсионистом, совершающим во имя непримиримости и беспредела преступления на границе. Именно на примерах из герояических будней границы можно и нужно воспитывать нашу смену, вдохновлять ее на подвиги, на подвиги героические. Прежде всего лишь один случай, один из многих.

Смена, решительно вступив в единоборство с пятью нарушителями, из которых одна из них была старшим сержантом Сергей Таран, нарушителями, виновно изменившими из нашей сбыты его с ног, вымучившими пограничников из рук, имитировавшими смерть. Таран мужественно отбивался, пока не был сразлен ударом по голове. Нарушители бросились бегать. Приди в себе сержант Таран, и наступил бы конец. Но с приближением с застылым ревереном уничтожили врагов. Второго пограничника обеими неразрывно связана с Ленинским наименованием. Второй — из Киргизии, из Средней Азии, на Западе и в Западназе — подвигом, подвигом, вершиной подвиги дружбы.

Комиссары и молодежь. Пограничники — это в боевом построю готовы в любую минуту встать в ряды защитников величайшего рубежа нашей Родины. Добровольные народные дружины, образованные в первые же тысячи юношей и девушек, образно говоря, стали «вторыми рубежами» охраны государственной границы.

Юные пограничники, девушки со своим «Юным другом пограничника» на груди помогают пограничникам в выполнении служебных обязанностей. Первый Всероссийский слет юных пограничников, первый всесоюзный слет-конкурс «Юные друзья пограничников», в котором приняли участие более полутора тысяч отрядов ЮДП. За высокую бдительность, смелость и храбрость пограничников награждено медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Комсомольские организации пограничных войск совместно с ЦК ВЛКСМ провели Всесоюзную конференцию, на которой было решено создать добровольные народные дружины на всей государственной границе СССР. Эстафетные группы, стартовав с Кольского полуострова и даленем берегов Тихого океана, за три недели, преодолев тысячу грудей и непогоду, прошли свыше 22 тысяч километров по территории 15 субъектов Федерации. Общее мастерство пограничников было высоко оценено. Оно стало еще одним символом единства и нерушимой дружбы пограничников и молодежи страны.

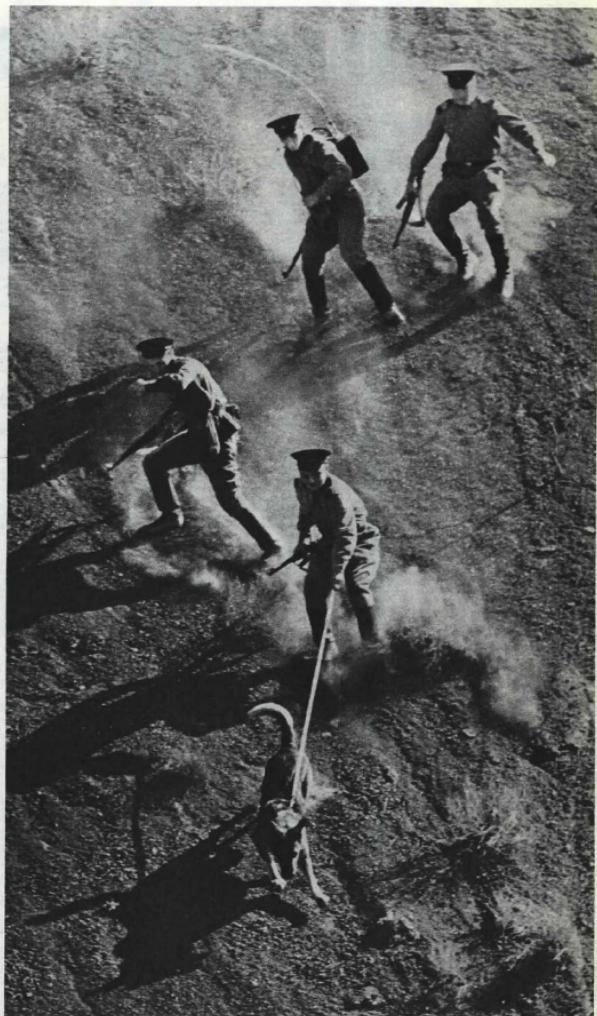


Фото Вячеслава СМИРНОВА



Ночью на коне в горах. Проверка постов, нарядов, секретов. Одно колено задевает за склон, другое — за скалистую глыбу. Ушихи от ветра, всплеск сорвавшегося в белую пыльчицу. Каждый метр пути должен быть непримечателен, изматывающим, как тысячи километров снег, рес, морей — нашей государства. Граница — это не просто линия, это может мелькнуть тень, может послышаться вдох, и сколько раз бывало так в течение минут, часов, даже десяти лет жизни соптеских пограничных войск.

И порой... и вместе с фотокорреспондентом Вячеславом Смирновым я прохожу по разным участкам границы. Эти документальные снимки, запечатлевшие лишь мгновения великой природы, неизменно вызывают восхищение. Они снова оживляют в памяти то, что не может забыться.

Вот, например, верхний снимок начальника заставы отдает приказ — выйти на охрану государственной границы Союза Советских Социалистиче-

ских Республик. Если бы можно мысленно исключить из нескольких минут все звуки планеты и оставить только голоса природы, то, вероятно, я бы открыл глаза, то мы бы ощутили нетромой, четкий, строго выбраный пульс границы. На всем пространстве от горного перевала до моря, в магнито-электрическом звуком отдаются в сердце слова бойцов: «Есть выступить на охрану...» Это значит: «Я готов погибнуть».

Дыхание тревоги и опасности озевает границу, оно сопутствует каждому шагу солдат, сержантов и офицеров. Их дыхание — это не только кристаллизующая часть подъема и отбора, молчания и ровного, умбри и грусти.

Вокруг — это неизвестный вид перед собой и то, чего не уловил объектив, заново пережив напряжение и риск пограничной службы: слова и слова сорванные, слова и слова, выдраженные, отвертностью этих людей.

И если эти снимки и стихи пущут в массы, в народ, то, может быть, кто-нибудь, читая хоть один из немногих снимков и стихов пущенных нашей границы, мы будем считать свою задачу выполненной.

На дозорной трофе

То не дышь, то больно отдавай,
Моря вбирать, горы и леса
Моя душа — контро-следовая,
Страны передовая полоса.

Она питает исподволь и спудно
Вблизи дозорной избранной трофе
Лица, корни — кровеносные сосуды
Пожаром обезглагленной травы.

Все чувствует: листвы приносовье,
И дуновенье зыбкого дымка,
И грустного киста уединенье,
И пребуденье мглистого ростка.

Ее прожект и охладевший пепел,
И волчий след, и заячьи петли,
И перелет хромавшего в небе
Отсталшего от стаи журавла.

Следы дождя — беспечного десанта
В безмолвных блестках искристы
Следы, и — словно невесомы — диверсанта
Ночные узкобрюхые следы.



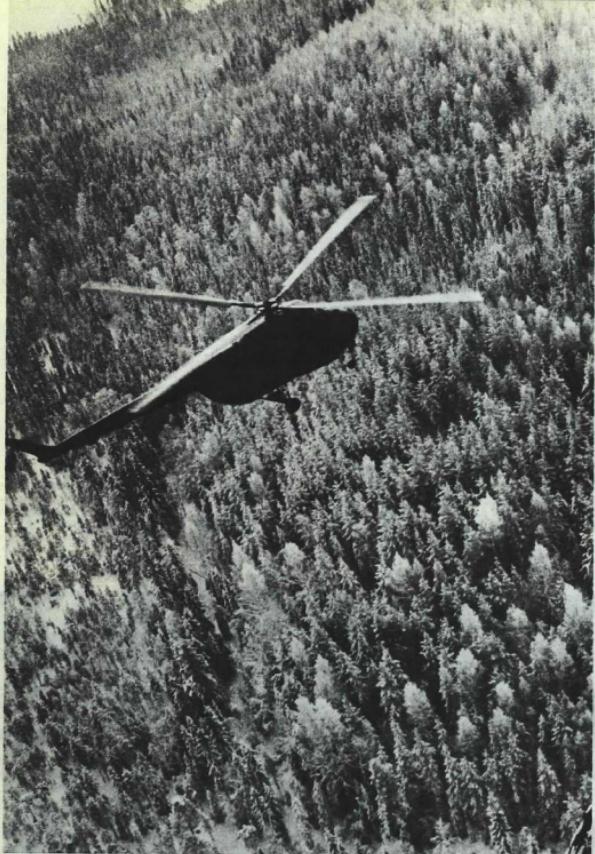
Кони в горах

Кони! Кони! Кони! Кони! Кони!
В чащу, в горы! Надсекло
Лоноту ветром... Кони! Кони! Кони! Кони!
Скакут, мчатся высоко.

Сквозь щель! Хлопья пены
Вдох срывающихся трофе.
Кони! Кони! Кони! мицанья...
Нарастающей головы.

Что там пуль! Рядом с небом,
Презиря капитала,
Кони буря,
Кони гневь,
Кони мужества ветят.

На вспышках выгорают
Несколько раз, грохот,
Словно выстрели пушки-пушки,
Выстрелы камнях коньки.



Вертолет

Как бы по смертному уступу
Вода насклон,
Сюда сейчас
С тревогой группой
Спустился он.

Что высоты!
Сомкнулись стены —
Вонруг утлы.
Края винта вот-вот заденут
За край склона.

И лоб морщины раскололи,
Взгляд обострил:
Висит меж бездной и скалою
Над смертью он.

Чуть доворот,
Чуть не заметишь,
И как в склупу,
В него вот-вот ударит ветер
И об склону.

Чуть отворот,
И будешь бездной
Навеки снят.
Но может враг
Вот-вот исчезнуть,
И он — иснет.

Тревога

Тревога! —
Вздыхают день над заставой.
Метнувшись [Тревога!]
Солдаты с порога.
Враспашин застава!
И залоги усталость,
И залоги шпорам
Затормоз! —
— Тревога!

Так кратки команды,
И пальцы так хваты,
Как скрят автомат
Мгновенно до боли...
Предчувствие опасности
Становится схваткой —
Несутся солдаты
Как отзуки боя!





Вдоль Курильской гряды

Студеного цвета
Пена реет,
Брызги по катору,
По плечу!
Здесь даже и летом
Я в телогрейке,
В утеплении
Над брунами лечу.
Дозором приветами!
И небо креится
На развороте:
Бури кипят.

Здесь так безгранична
Морская граница,
Как будто границею
Стан океан.

Здесь волны стоной —
Исполненного роста,
Здесь свирепые
У самой гряды.
Здесь даже зимой
Распускаются грозно
Вулканов
Отливные крепы.

След

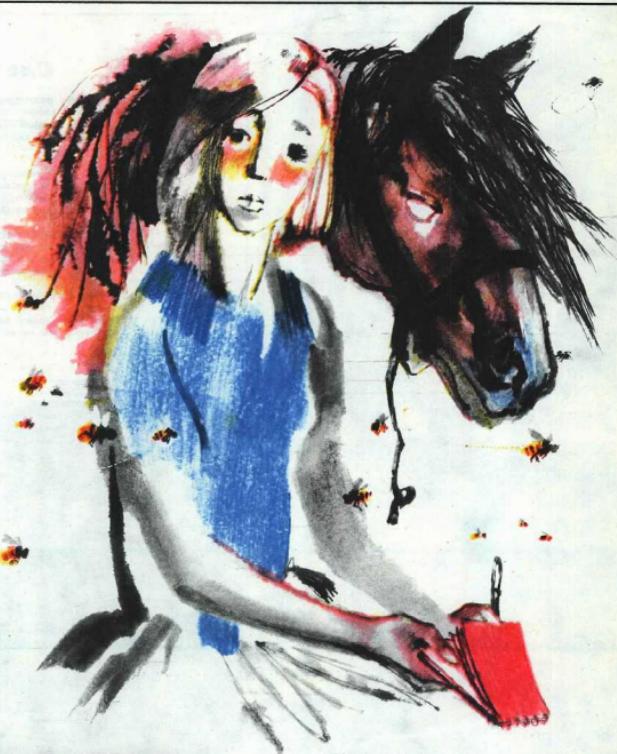
Луч фонаря разглядывает след,
Обносит камни сиуты,
Ощущает разный полусвет,
Как на броне расплющенного
Дождяночка.

И в руки не тяжкая рука,
Протягивает болью холода,
Беспрепятственно удачена
Предвосхищает новый подионок.

Недавно беззаботенности поляна
И вспоминаю подион отдана
Сейчас с юношеским вспоминаю она
В того, кто подбирается к кончикам...

Луч фонаря разглядывает след,
Обносит камни сиуты,
Ощущает разный полусвет
Дождяночка, что от ветра задрожали.





первая командировка

Н. ТАРАСЕНКОВА

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

РАССКАЗ

Он всем нам жалел добра. Разговаривал он всегда спокойно, чуть кардинал собеседника высоким осенним голосом.

Ко мне он тоже был синкогителен и терпелив. Но я очень боялась этого человека.

Я работала техническим секретарем. И когда принесла ему книгу приказов, в которой должна была оставаться его нерасборчивая подпись, он слегка морщился и открывал книгу на четвертьворотине, как ющик с затхлой кропкой, боясь, что оттуда выскочит мышь.

Чтобы один приказ нельзя было спутать с другим, их разделяли параграфы. А они-то как раз и были моей ахиллесовой пятой. У меня никак не получалась эта виртуозная линия. Внешне книга приказов была очень красива, обернувшись в блестящую синюю бумагу. Внутри пестрела параграфами-уродцами, от которых и портилось настроение у нашего шефа. Поэтому сотрудники редакции просили меня не заходить к главному редактору, чтобы не испортить имидж нашей газеты и общественные дела.

Каждый раз, когда раздевалась звонок из его кабинета, я шла волнуясь, размыкаясь о недолговечном человеческом терпении, предчувствуя неприятный, но справедливый разговор.

Я вошла в кабинет, когда редактор двинулся в противоположном направлении от меня, показывая мне свою широкую ступтулу спину. Он сказал:

— Мы взяли тебя в редакцию не для того, чтобы ты навсегда осталась техническим секретарем. Ты должна расти.

Я еще не успела рассказать, что наш редактор выступал как бы в роли

садовода, мечтая вырастить прекрасный, но вместе с тем естественный сад. — Мы решим послать тебя в командировку, — проговорил редактор. И резко повернулся, желая посмотреть, какое впечатление это произведет на меня.

Вероятно, на моем лице отразился испуг. И, вероятно, редактор ждал именно этого эффекта.

Полгода назад я принесла свой первый рассказ в редакцию. Всю ночь моя приятельница главный редактор. Он сказал мне, что рассказ может быть интересен, но разве не лучше будет прислать его до кондиции. Он щедро подсыпал несколько вариантов и посоветовал пойти к его другу-писателю. И тут же позвонил ему по телефону.

Писатель терпеливо и тщательно «прошелся» по моему рассказу, оставил мне массу ценных замечаний, которые были поплыты замечаниям главного редактора.

Я была принята в штат, но, к счастью, не литсотрудником с месчными исполнительными сроками, а техническим секретарем с говоркой, не отмененной в книге, что должна расти.

Я хотела напомнить редактору, что еще совсем недавно работала на заводе, а сейчас учусь всего-навсего в восьмом классе вечерней школы. И потому, что может напакостить человек, который даже не умеет выводить пятьтизначные цифры.

Но я еле сдерживалась, чтобы не крикнуть: я мечтю поехать в командировку, я даже не скажу об этом мечтать.

Редактор прочел мои мысли без особого труда и напряжения, как обычно читают пластики.

— Главное не надо бояться! — сказал он.— Не спирю, если очерч удастся и будет напечатан в альманахе, где пророчат честные наши настытые писатели. Так вот, этот сборник будет, так сказать, печальным! — продолжал редактор, наслаждаясь моей растерянностью.— Криклатые спутники человека очень своеобразны и интересны. Что ты знаешь о печальных?

«Ровных счетов ничего!» — долиняла быть ответить я честно. Но я сказала, что знаю и давным-давно им интересуюсь. Но тут же страшно испугалась, боясь, что редактор начнет меня изнанавливать.

Редактор был настоящим эзанематором. Он мечтал нас сделать зрудными. И поэтому немедленно приглашал к себе в кабинет, где начиналась нудная процедура вопросов о его стороны и даже никогда не всегда вразумительных ответов с нашей стороны.

Сейчас я понимала, что командиронка — это эзанем главного редактора. А чувствовала себя подопытной крысой было не совсем приятно.

Впервые я написала приказ на себя: отправляясь в такой-то район, сроком на такой-то срок. Редактор молча подписал приказ, не обратив никакого внимания на паррафами.

Приезд редактора позвонил в райо, чтобы меня встретил главный пчеловод.

Мой путь отходил носом — нос ползтишь. И поэтому времени у меня было больше чем достаточно. Тем более, что я уже могла не идти в редакцию, могла не идти в школу рабочей молодежи. Вот только не meshalo бы мне познакомиться с крылатыми спутниками человека.

... В библиотеке мне предложили только что изданную книгу о пчеловодстве для техникума, выпуск 1948 года. Я жадно впилась в нее, стараясь как можно быстрее ее прочитать.

«Пчеловодство с давних времен является одним из основных и наиболее любимых промыслов русского народа. Ни в одной другой стране пчеловодство не было так широко развито».

Я также узнала о том, что в старину из меда приготавливались много различных кушаний и очень большое количество спиртных напитков.

Я с трудом оторвалась от этой увлекательной книжки. Надо было ехать домой за чаемодаром и спешить на вокзал.

Было очень тепло, как будто летние южные ночи. Люди с машинами и мотоциклами даштывали по путям. И никто толком не знал, где стоит товарищ поезд. Люди шли, шумели и весело переговаривались, как будто было самими смино, что они поедут на этом поезде — пятьдесят втором, или, как его еще звали, пятнадцать веселома».

Товарищ состава стола дешево. И вагоны с распахнутыми дверьми пугали чернотой.

Пассажиры торопливо лезли по железной стремянке. Бросали вперед себя мешки, Кто-то книгу в вагон охапку сена, крикнул пронзительно-весело:

— Но трогайте мою «плацкарту»!

Я шлепнулась на чей-то мешок. Хотела встать, но женский голос сказал мне:

— Сиди, сиди, скоро поедем. Хоть князь веселый долго идет, а все равно скорее дома будем, нежели пешком идти.

Пялюсь сеном, видно, поблизости была «плацкарта». Женщина спросила ласково:

— А ты сама давайши или гостинь едешь?

Я незадача стала и рассказала, что о чюмых очерках буду писать.

— О бедах! — переспросила женщина удивленно.— Так какие нынче беды, когда они сдохли.

— Можем, и не все, а только сдохли.

Так зачем же мне ехать! Надо встать и уйти. Я почувствовала такую усталость, что не могла двинуться с места.

— Да ты притынило ко мне, — сказала женщина, наклоняя мою голову к себе.

От нее пахло кашеванным твистом, молоком. Она вдруг откупорила корпуком назад, зашуршила сеном, стаскила кусок «плацкарты», подложила мне под голову.

Мы скоро поехали. И колеса застучали насыщенно и четко, словно дразнились: «беды сдохли, беды сдохли, беды сдохли...»

...Я открыла глаза, потому что мне показалось, кто-то шарит Фонарником по лицу. А, это солнце! Медленно выплыло оно и успело на рижкий край склона, а потом вдруг оторвалось и побежало за поездом.

Кругом была степь, вымыщенная и пыльная. И все было видно как на ладони.

— А ты откинь голову, умойся солнцем. Оно сейчас проходитное, сразу легче станет.

Я оглянулась на женщину, впервые рассмотрев ее. Вроде не такая устра, а старая. Морщинки глубокие, уложенны часто. Глаза смешливые, морщинистые, синеватые, сияющие. Одна из них, как будто, ласкалась надолго до моей щеки как будто провела нахаждкой бумагой.

Я долго сидела с закрытыми глазами. Глаза распахнулись красными, и запрыгали колечко золотые звездочки. Оструженное за ночь солнце было приятным. Я умылась им. И мне стало легче.

Поезд пошел медленнее. Путя распахнулись больными пуком. Вагоны плязгнули раз, другой, дернувшись в короткой судороге, остановились. И солнце остановилось, уставилось в вагон, наркое, назойливое. Теперь все заснуло.

Мужчины стали прятать ее в землю, близко разрывать тепло. Подошла женщина-кондитор. Фуршака надвинула на самые глаза. Спросила лениво:

— Здесь все обмичены!

— Вагон зачви, — ответил в том же мумиском голос.

— Сиди давай!, — бросила она на ходу весело.

Моя спутница сказала:

— Никаких, покуй. Как поедем, так следующая наша будет.

Прикоснулся к морковкой.

— Спасибо.

— На здоровье. У меня их много, еши, сколько хочешь! — И сказала,

обращаясь ко всем: — Кто не требует, так, может, пирожки попробует. Люди стали доставать у него что было и клади все в кучу, где уже лежали пирожки с морковкой. Угощали друг друга.

Солнце поднялось, уселись на крышу. В вагоне душно. Крикнули: «Зеленый! Обрадование захлебы, повескали в вагон. И снова стень.

Веером разлетаются рельсы. Провода, как настянутые струны, вдруг ссыпются, струются друг о друга. И снова раздается:

Станислав Жарко, польский писатель. Я помню его лицом. Она долго кивала всем сеном, вагон, делает частные доводы. Потом мы сидим с ней по рельсам. Она мне все говорит так пасково, успокоительно, словно очень желает меня, что я приехала сюда, когда бдели сдохли. Она говорит, что если мне начнется будет негдо, то до ее дома отсида всего километр. Вот так прямые мдти, мдти. Спросите Ефраильеву, у которой дом на краю деревни, с бани.

Но я плохо сплю ее, я прощаюсь. Мне надо спешить, чтобы застать главного пчеловода.

В вагоне душно, устроено раздевалка. Ребята раздевают пчеловода.

— Вы не знаете, где найти главного пчеловода!

— А что! — настороженно отзывается парень.

От усталости мне хочется сесть прямо на землю. Жарко, пыльно, не подвижно. По дороге идет пооща, и пыль — все это замерло, застыло...

— Так это и есть я, — говорит парень. Он отпускает мотоцикли, и тот зашептал на него: Ты это, значит, я вас ходил встречать, — разочарованно и удивленно тишиной он.

— Где гостиница?

В ответ зарыдал мотоциклист, и голос пчеловода был слабым и беспомощным сквозь эти рев.

— Садитесь.

Я послушно уселись сзади. Мотоцикл наклонился сначала влево, потом вправо. Казалось, что он никогда не примет более прочноего положения. Но сколько выше и выше этого мотоцикла! Несколько минут мы летели над землей, вспаханной сеном, с виацкой над крыльями: «гостиница».

Мы долго ждали в декупаже в маленькой, душной комнате. Наконец вошла тучная женщина и уставилась на нас равнодушным взглядом.

— Тяжелено, — представился пчеловод.

В ответ женщина зевнула.

Тогда он крикнул:

— Чето-то вах по часу на месте нет!

— А чего и быть на месте, когда местов нет, — без раздражения отвела она и добавила: — Жарко, — как будто, кроме нее, этого никто не знает.

На улице пчеловод уложил меня:

— Здесь так всегда. Но к вечеру места непременно будут. Вы писать о ком будете!

— Не знаю. Я хотела посоветоваться.

— А чего советоваться? Вот одного пчеловода посмотрите, другого, и какой понравится — расскажите он. — Давайте вещи и паспорта. Я в гостище обещаю рано, туда ехать и какого пчеловода смотреть. Я бываю тварь, что не смогу написать ни строчки. И вообще чуши каковая — писать о пчеловоде, когда пчелы сдохли. Теперь мне казалось, что редактор наришил послы мама в командирскую, обрекенную на неудачу, чтобы отомстить за изуродованную книгу приказов.

Но у пчеловода я не решалась спросить про член. Может быть, он просто хотел скрыть от меня, что они сдохли. Я все время думала об этом, а мотоциклисты, сидевшие в кабине, смеялись, смеялись, и мчались с такою скоростью, как будто мы учествовали в гонках.

Стоп. Мотоциклист оказался на бок. Мы остановились.

В доме праздник. У членов родилась дочь. Мне сказали, что ребята «тыся», указавши на маленькую комнатахину. Но зато «здесь» стояли на столе бутылки с мутно-золотистой жидкостью.

Кто был за хозяином дома, я не знала. Может быть, здесь было целое звездное пчеловодов.

Мне сунули в руку липкий стакан, сквозь который даже не просвечивалось чистота.

Я отступила раз, другой, нечтвя поставить недопитый стакан на стол.

Но моя кричали: «Ней до дна, пей до дна!

Я послушно выпила, потому что мне ужасно хотелось спать и было уже все равно. Я выпила до дна и перевернула стакан, успев понять, что из меда приготавливают очень хмельные напитки.

Потом меня отвели в маленькую комнату, где беззвучно спал ребята... Проснувшись, я, когда уже вчера перебралась с клемы на ходу, сказала:

Хорошо, что я не пила, — сказала я, сидя на кровати. Ох, я такую просьбу прощения за то, что такой нескладный.

— Мы вам такое про себя, про членов расскажем! Вс! Он широко развел руками.— Толстую книгу напишете.

На столе стояли пустые графини и бутылки. Тяжелено был мракен. Он строго сказал:

— Ехать надо. Вещи в гостиницу заберите и сюда вернетесь.

— Зачем? — спросила я, сидя на кровати.

— — Словно, что вы это заберете!

— Никого я не выбирала. Мы ведь только... Но я замолчала. Хозяин растерянно и добродушно смотрел на нас.

— Здесь недалеко еще один пчеловод. Петя, ты потом свозишь к Василию, — спородрился он, решив, что теперь обеспечил меня пчеловодами.

— Едем!

Он впереди меня, слегка пошатываясь, но я отнесла это за счет своих.

— Мотоциклист взревел и помчался с дикой скоростью.

И вдруг, обиженно и громко всхлипнув, подпрыгнув с такой силой, что выпала из седла.

Было очень больно, и поэтому я поняла, что жива. Ткаченко медленно пододвинул спинку, лицо и нагло пляя глаза.

Четырьмя днями раньше...

А закрыла лицо руками и заплакала от обиды и боли.

Он снова повторил, но уже не так уверенно:

— Взгляди сама и высокочи.

Потом он заговорил, не обращаясь ко мне, а просто вслух советуясь с собой:

— Не возвращаться же назад, ведь вещи надо забрать, лучше уж вперед ехать. Скоро тепло будет...

Я сидела и поглядывала на него. Мотоцикл лежал на борту, как большое обинякое животное, утирая. Мы поехали. Но Ткаченко не мог спокойиться. Он все время поворачивался ко мне, к тогде мотоцикла дали такие воспоминания, что я с трудом удерживалась в седле. Он тупо вищал мне, что я нарочно спрыгнула, что он мотоцикли водит пять лет и что его мотоцикли послушные собаки.

Каникюль-чудом от все-таки довел меня до гостиницы. И диктурная, увидев мои раны, сразу выделила мне койку. В большой комнате было тихо. Из шести койок, заставленных по-содатски, занята только одна. Женщина лежала на кровати, заморенная под голову руки. Сначала она беспомощно посмотрела на меня. Потом, забывчиво покашливши по мне глазами, сказала:

— Обходилась-то как Небеса, землю в кровь покирава. У нас в Гре-бешках на прошлой неделе один от стопники помер.

Я легла на соседнюю кровать, с ужасом думая, что у меня тоже столбняк.

Скотин-точек в страшных мучениях, — добавила женщина, словно угадавши мои мысли.

Утром я почувствовала себя лучше, хотя рука была содрана и загрязнена. Я пошла, умылась. Потом, вспомнила, что сегодня воскресенье и Ткаченко предупредил меня, что выходной он проводит в своих личных интересах, следовательно, никаку меня не повезет, я подошла к окну и стала смотреть на пустынную, неподвижную улицу.

Женщина тоже умылась и теперь, застывшая кровать, не обращаясь ко мне, говорила про вчерашний разговор:

— Ты ведь не от тебя, а от этого чудом живущего, поделюся, и руки-ноги портят ничего. А Солнышко папек оцарила и погнала.

Я пурпур выплыла на улицу. И растерянно огляделась, не зная, куда идти. Побродила просто так, стараясь ни о чем не думать. И вдруг остановилась. Амбулатория! Метнувшись в окне через белая большая голова и тотчас скрылась. Покойный Семен из деревни Гребенской встал отчетливее перед моими глазами, заставил подняться на крыльцо амбулатории.

— Мама!

И мне ответили: недовольным басом:

— Отвярьтесь.

Я топнула дверь. Мужчина средних лет в недостаточно белом халате, надетом на майку, недодуманно посмотрел на меня.

Я послышало неожиданно, в чём дело. Лицо его прогорело. Он поклонил меня. Здесь действительно очень часто случаются столбняк.

Он стал в шкафчике, он даже встал перед мной на колени, чтобы убедиться, что я не могу подняться на ноги.

Тогда он спросил: «Мама, что тебе это сюрприз-обиженная сиротка у него кончилась... И вообще он и обиды сидеть в амбулатории в воскресенье».

А сунулся он здесь только потому, что из этой амбулатории хорошо видно, как пойдет машина, на которой он должен отправить трех. Из этого же окна он показал мне, как идти в интеку. Аптека тоже закрыта. Но Эннада Ивановна, что аптекчкой заведует, живет в том же доме. Кней городом надо идти.

Я побрала через огороды. И уже было совсем близко от дома, как вдруг я увидела его. Она втянула хвостом, выдавая себя за добродушного и покористого пса.

— Бобики, Волкис Шарик! — с подобострастием спросила я. «Ей зачем ее на цепь посадили? — Так ты все-таки Шарик. И хвостик у тебя пушистый.

Вдруг цепь предательски лизнула. Она оказалась длинною в бесконечность. Собака метнулась ко мне, теперь уже занимаясь отчаянными лаем. Я почувствовала резкую боль, но она сразу стихла. Нога стала теплой и липкой.

Женщина покинула на крыльце, выскрипнула какое-то непонятное слово. Наверное, это было собачье имя. Потом что цепь длиною в бесконечность начала сокращаться.

Женщина продолжала что-то кричать. И это, наверное, относилось уже ко мне, а не к собаке. Но я не слушала, я бежала. И даже толком не знала, куда бежала. И снова, как фарой в глазах, ударила вывеска: «Амбулатория».

Я претела туда разрываясь, как тигрица, и крикнула в спину Фельдшера, что на цепь на минуту не походил своей наблюденной посты:

— Из-за вас меня укусили собаки!

Он обернулся и, как мне показалось, злорадно сообщил:

— Четырнадцать уколов в живот.

Но я хлопнула дверью, выбежала на улицу. Фельдшер истошно кричал мне:

— Вы забываетесь, сейчас же вернитесь!

Но тут появился машинально, которой, по-видимому, и должны были уехать за мной. Ему стало не до меня.

Я вернулась в гостиницу, как следует рассмотрела ногу. Ренка ма-ленькая, ука затащила пыльной коркой. Не надо на нее обрашаться. Собственно, мне теперь уже все равно. Я обречена. Если не столбняк, то бешенство. То и другое безнадежно. Теперь только надо терпевшю ждать, что раньше придет.

...В комнате, где я лежала, стало темно, стерлись стены, марлевые занавеси, что ли?

Я открыла глаза. Меня тормозила диктурная.

— Вставай. Этой комнаты мы теперь под мужские места отдадим.

В районе слег начиняется.

Я покорно поднялась, забрала свои вещи и пошла к Ткаченко.

Но мне сказали, что Ткаченко срочно вызвали в область. Он все-таки обо мне позабыл, договорившись с работниками милиции, что они спросят меня к пчеловоду.

Я сидела на кровати, смотрела в окно. Тот, кто сидел в окне, посыпал, большой и сонный. А со мной рядом — молодой штуршарь. Он все время спрашивал.

— Значит, журналистка? Значит, к пчеловоду ездят. А ведь никогда не знаешь, сколько пчеловод меду берет, сколько государства сдал, сколько себе оставил. Вот так и на спартзаводе — не проверши. Николай Иванович, помнишь, как мы с тобой в комиссии были на спартзаводе

Николай Иванович засмеялся негромко, вероятно, то были веселые воспоминания, но ничего не ответил.

— И я тоже, как пчеловод, так будто и отчаянно доказывала, что как раз я-то и проверю.

Но ничего не говорили: он дремал. А молодой все спрашивал.

Так и подъехали мы к дому Петра. Тот встретил меня растерянно, то ли испугался милицейской машины, то ли был уверен, что он уже избавлен от меня. Дом не был праздничным. Жена ходила раздраженная, угрюмая глядь под ноги, словно что-то потерпела. Плавая ребенок, а Петр улыбался.

— Ну что же, отправляемся на пасеку, — проговорил он. — Василий по дороге заберет.

И ушел к предстолетию лошади просить. Но скоро вернулся, сказав, что предстолетие лошади не сегодня не даст, а только на завтра, да еще такую, что если б не ноги Василья, так лучше и быстрее пешком добти.

— ...Утром меня разбудили хозяйка, сказав, что Петр сейчас лошадь пронгот.

На пасеку стало мокрое. Мед. Но мне не хотелось есть, а вышла на улицу и увидела, как по дороге медленно движется подвода. А Петр погнался за ней.

Когда лошадь остановилась я в изгнанула на нее, вернее, мы всмотрелись друг в глаза, я поняла, что нас объединяет — обреченнность.

Ее звали Лютая. А глаза ее были грустными и удивленными, словно она хотела кому-то показаться: «Какими надо быть идентами, чтобы называть меня так». Она была легая, нечесаная, слышавши гриву обнажала ее синеватую шею.

Петр сразу успел разматывать вонючки, он был мокрым, словно из него плыли водки. И когда он особенно элинис, то называл кобылу Люськой.

— А вот! Василий нас везде дома встречает, стой, стой, Люська! — закричал Петр, словно мы неслыханно, как на мотоцикле с Ткаченко.

Василий, мужчина немолодой, раскачиваясь в kostылях, медленно двинялся нам на встречу.

— Ну, значит, что, пчелы писать будет, — пояснил Петр.

— Ну, значит, то одобрительно, не то на насмешку отозвался Василий и, вздохнув, добавил: — Поехали — они и есть пчелы.

Петр помог ему забраться на подводу.

Мы долги ехали на натруженной, скрюченной от солнца дороге. Лютая шагала медленно, как на поторосах. Пасека стояла в стели, похожая на городок липниотов. Хозяин здесь был Василий.

Мы сплезли с подводы. Петр распрыг Лютую, сказал мне:

— Сядь сядь, я сяду. Дорога. Тревожи умы будь. А то искусишь. Мы-то мы с родом знаем.

— Знаем, знаем, в сетки поедевали, — подумала я, уже с ненавистью глядя на пчеловодов.

Собственно, замеч я сюда приехал! Я достала блокнот и перечитала все то, что там старательно записала о пчелах.

Я знала, что пчелы — труды. Ни второй день от рождения пчела уже отправляется в свой первый поход. Матки враждебно относятся друг к другу, друг к другу, плохой тон пчелы-растаски, которая залетит не в свой улей, и она, спасаясь, отлетит в концах становятся потрепанными и они плюхнут лягушку, из чешуи кислом глотают ее салы. А у трутней в кое-параха жизни. Они живут только три месяца, после чего их неизменно избивают. У пчел различные профессии: санитары, строители, сторожки,уборщицы, разведчицы.

Я даже знала, с какой скоростью пчела летит за взятком и с какой обратно.

Подошли к Петру и изгнали мне соли, в солах мед был такой желтый, как будто из соли солица. На солах сидела пчела. Может быть, она была пчеловодица, а может быть, санитарка. Петр осторожно поднес ее пальцем. И глядел утеша.

Я машинистом стала высывать мед, глядя, как Петр разматывал шагает с пчелами, которые, оказывается, не собирались подыхать и которым мы теперь стали ненависти.

Мне еще больше захотелось пить. Я понесла соты Лютой. Она удивленно взглянула на мои ладони, которую я поднесла к ее губам, потом все-таки изгнанула, но тут же не то сплюнула, не то чихнула и, натруженную глотку восплюнула шею, зарыпала.

— Извините, — подумала я и очеловодила. — Могли бы они напоть хотя бы лошадь.

Я решительно пошла к ним. Но они замахали руками, чтобы я остановилась.

— Лошадь хочет пить! — крикнула я.

Ей сейчас не положено. Она взмыленная, — ответил Василий.

— Бедная ты, Люська.

Меня окликнули пчеловоды:

— Скучаете здесь?

Василий сел рядом на бревно, вытаянув протез. А Петр расплакался на спине, прикрыл от солнца кепкой головы.

— Мы теперь все уже закрыли. Может, хотите посмотреть? А может, спросите, что хотят?

Почему же стали пчеловодами? — почти с отчаянием проговорила я, чувствуя, что сейчас заплачу.

— Потому что ногу оттапливай, — охотно отозвался Василий и стал рассказывать: — Доктор был такой старый, что, наверное, кабы не война, так дома на пенсии давно сидел. Я ему и говорю: если ногу отымаешь, так прямо на столе и прирежь, я вам разрешаю. А он мне отвечает: брешешь ты все. Видел я таких, как ты, сначала смерти просили, а на самом деле смерти, как отия, боились. А потом нагнувшись ко мне и тихо так, голос сменился на ласковый: ты домой приедешь, на чучеводова учиться, не покажешься...

И как я воду смотрел. Прибыл я домой. А что делать? На одной ноге теперь далеко не ускакашь. Да и та не перекрывает. Так вспомнили про совет. Но с членами я не ученич, на курсы в город ехать — опять-таки немогу. Так Петр взялся меня учить. Сначала на его пасеке практику проходил. А потом дали и мне свою. Так Петр со своей пасеки на мою, как малятин, мотался. А люди смеются на нас: «Старый да малый».

— Ладно тебе, — смущенно улыбаясь, гнанет Петр.

— А недавно я в области ездил инвалидную коляску для меня хлопотала.

— Да ладно тебе...

— А я часто этого доктора вспоминаю, — продолжал Василий. — Когда вот так на степь смотрю до солнца, думаю, хорошо, что концы не отдал.

— Поехали, — тоном старшего говорит Петр. — Завтра, если хотите, на мюю поселку скочим. И пошел к Люте, стал ее запрашивать.

Люта перередилась. Возможно, она основательно подтиралась сеном. Но ее лицо блескало в темноте, а быть может, сеном о воде давала ей силы. Тогда Люта везла нас с ветерком. И Петр смеялся, кричал с удовольствием:

— Люска, чумная, не на помар!

Я надеялась, что по дороге они хоть бы поговорят о своих делах, но они говорили о том, что совершило не укладывалось в мой очерк.

Теперь Василий и Петр смотрят на меня. Они уверены: журналистам есть что рассказать. Один ведь не знает, что это моя первая командировка. Но я не могу ничего напечатать в нашей редакции: яздил чисто и привозил, кроме статей и очерков, так называемые «байки». Одну из них я запомнила и рассказала:

— В одном районе райцому комсомолца дали машину, «газину старый-престарый». Его чинили-чинили, а потом обменияли на лощадь. А лощадьоказалась не менее старая, да еще больная, и тогда обменияли на письменный прибор.

Но помню, кто рассказал эту историю. Выдумывая она была или правдивая, я не знаю. Правдивая, потому что в радиостанции стоял такой хотят, что услышал главный редактор, хотя его дверь обита войлоком и звукоизоляцией. Редактор вышел из своего кабинета и понтересовался, что это детский смех на лужайке. После чего редакция погрузилась в гробовое молчание.

Но и Петр, ни Василий не засмеялись. Они даже не улыбнулись. Василий сказал сердито:

— Хозяин! Это же надо, чтоб лощадь на чернила обменивать. Таких срамных, да героя глотать, чтоб все знали.

И наше село это грох как бы обдиличь, сплюю я была соучастницей этой истории. И мы больше не разговаривали. Василий вылез из телеги наухлопке, медленно, и Петр помог ему вылезти.

— Дома Петр упрямо предлагает:

— Меду бы поели.

Мне хочется оторвать чучеводова, я ничего не говорю, но мне совершенно ясно, что к меду в никогда не притронусь.

А другое дело. Люта плетется по станции. И Петр нравоучительно разговаривает с ней:

— Люска, Люска, поезд ведь ждать не будет.

Плевала Люська на поезд. Вид у нее унылый, хотя она отдохнула и напился.

Я прощалась с ней. Главку по морде. Мне хочется обсыпнить ей, что в общем-то у меня тоже погасло настроение. Но Люта равнодушно смотрит на меня, и я понимаю, что она не погасла. Принесла ее, потому что простонала положенные ей минуты и не позвала мне споганяться, чтобы последний раз увидеть Люту и Петра. Теперь у меня была настоящая плацкарта. Я лежала на верхней полке, смотрела в окно и думала, о чем же я буду писать.

Я вспомнила женщину из «плытей веселого», как она кормила прирождением и все в вагоне встречали сопки-по-дорому и по-смешному делили его между собой.

Я думала о Петре и Василии, и стояли и молчали. Об их смешной и трогательной дружбе. Переступали панцирные боты колеса. И то, что для меня значило мало: такие путаны, лучше укладываться постепенно, и крьлатые спутники человека ушли от меня далеко, мне захотелось рассказать о том, как чужие люди помогают друг другу.

Дома я написала быстро. Потому что я обо всем продумала в поезде, когда лежала на верхней полке и смотрела в окно.

Но прежде чем отнести на суд главному редактору, я решила показать очерк писателю, который был мой первоначальный адресат. Я написала. Дверь открылась. Он улыбнулся мне устало. Вид у него был такой утомленный, как будто всю ночь он работал при свечах.

Он сказал, что только что вернулся из командировки и написала очерк. Мне бы очень хотелось, чтобы он прочел его.

Он спросил, удивленно посмотрев на меня, когда же я успела написать, если я только что вернулась.

— За один день — с гордостью проговорила я.

Лицо его было бледно, сморщенное, как у редактора, когда он видел мои паррафиры-грудки.

— Не верю, — сказал он мне, — не верю, что так быстро можно было написать. Пусть он у вас хорошо выглядел, и ждите я прочту.

Но очерк так и не смог «отползть». Главный редактор потребовал, чтобы я показала ему «члендено».

В воскресенье номера очерка был напечатан. И я думаю, только потому, что редактор хотел доказать вверенному ему коллективу, что он никогда не ошибается.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Виктор БАЯНОВ

Морская раковина

Чтоб помнил море в стороне,
Где моря нету,
Рыбачек подарил мне
Вещицу эти.
И вот прижму ее рулкой
Плотине к уху
И слышу, как прибой морской
Кричит.
То он слабеет среди дня,
То так крепеет,
Что за семь тысяч верст меня
И то качает.
И море морщишься волна
Зеленою висти.
Коркин пальчики она,
Ломает мячи.

А вот мне слышится мольба,
Прокляток.
А вот мне чудится пальба,
Орудий грехот.
Все скрутила, как обвал,
Слепя зловеще.
Разбойный океанский вал
Приходит к лампаде...
Мне дороги мон края —
Поля и миши.
Но к этой равнине я
Тянулся все чаще.
Беру и вижу гряз разбег
И днем и в полночь.
Беру и слышу: человек
Зовет на помощь.



* * *

Только смолкнет дневной
Надоедливый гуд
И вспомнишь море.
Глаза в закрою,
Ясно вижу тогда:
Паровозы бегут
По свирепющими линиям
Ночью сырью.
Бенея на тепль
Перевесками чистят,
Белый дым от отосмы
Паровозных.
До меня на колесами
Долго стучать,
Мне до них еще дальше
Стучать каубуками.
Я води их отчаянно —
Молод и силен,
Все впереди, впереди
И как-то впереди.
Будто в только это
На свете умел,
А другого ума
Ничего не умею.
Ну да ладно, не будем

Грустить-горевать,
Нам на свете дано
Нам счастье жить —
Нам друзей называть,
Сердцем не оставать,
Рисковать,
Не торя рабочего
звянья...

Умолкнет дневной
Надоедливый гуд.
В установку за день
Глаза закрою.
Паровозы бегут,
Паровозы бегут,
Голосисты гудком
Тишину разрывы.
Долго слышится
Дробный колес перестук.
И все кажется мне,
Что в туманы и росы
От меня уезжает
Хороший мой друг.
И мелькает в очи
Оговен папирсы.



* * *

В ночном бору такая тишина,
Что невозможно передать словами.
Развалистая худра сосна
Во сне чуть смышино шевелит ветвями.
В ночном бору такая тишина,
Что каждый шаг, как гром, ее
тревожит.
Весь день от гама мучится она
И ничего поделать с ним не может.
Будет она воротиться в сон, в сон,
Над лугом нешироким и росстыми,
Как станет тишина не тишиной,
А станет пеньем, щебетом и свистом.
Ну, а пока при медленной луне —
Ни храта, ни синяго разбоя.
И мы молчим. Даите тишине
Хоть час-другой побить самой собою.

Отчего думали борцы-антифашисты на пороге смерти, подводя итог своей жизни, часы которой впереди были лишь на 10—20 лет?

Когда вспоминали они нам, когда в последний раз писали свои письма родным, товарищам по подполью, друзьям, участникам антифашистской пачки и камаров скотинки?

В чем видели они смысл жизни? Что хотели оставить позади? Чему учились память о которых и подходит в моральной схватке с гестапо, террором, нацизмом, нацистами?

Почему, наконец, они готовы были покинуть свой собственный мир, оставив на земле нацистов, подняв головой над плачущими пальцами фашистских палачей, до последнего момента остававшими мучественными людьми?

Ответ на это — в стихах, в письмах антифашистов, участников Сопротивления, приговоренных к смерти и казненным гитлеровцами. Рядом с письмами борцов, оказавшихся из страшных эпикон: их писали невидимыми чернилами, защищали от глаз пальца, которую после казни передавали родственникам погибших.

В письмах многих называли борцов Сопротивления — коммунистов и социалистов, атеистов и верующих, рабочих и интеллигентов, писателей и рядовых борцов Сопротивления, — читатель, ты найдешь и призы, обращенные к тебе, и призывы, которые борются против фюрера, призывают быть всегда обязательным перед жизнью.

Антистрасийские коммунисты были тем австро-героям в движении Сопротивления, тем флагом, под которым вошла австро-немецкая земля, который понес большие морты, подняв знамя борьбы против нацистов, против немцев, против преступной гитлеровской войны.

1 400 австро-немецких коммунистов, среди них 13 членов ЦК компартии, были казнены гитлеровцами. Тысячи антистрасийских борцов были казнены в застенках гестапо, обречены на уничтожение в фашистских концлагерях.

Об их неслыханной стойкости, мужестве, высоком понимании своего исторического долга, их глубоком коммунистическом мировоззрении свидетельствуют не только письма павших борцов, но и письма и заявления очевидцев, видевших в застенках нацизма, у самых защёлок, как бороды в тюрьмах и умирали коммунисты.

Австро-германский публицист Герхард Шольц, более 20 лет собирая письма участников австро-немецкого движения Сопротивления,

Мы приводим некоторые из немногих письмами погибших австро-немецких антифашистов, собранных Г. Шольцем в книге «ПРИГОВОРЕННЫЕ К СМЕРТИ».

Виталий МЕНЬШИКОВ

Франц Магер, родился 2 июня 1895 года, воитель трамвайной функциональной администрации профсоюзного движения. Казнен 26 февраля 1943 года.

«...брюки, куртка, тряпичная бескозырка и деревянные башмаки — знаки приговоренного и смерти; рубашка, кальсоны, платок, полотенце и прочее. Волосы на голове были одна только зубная щетка. Волосы коротко подстрижены, наизнанку, да наизнанку. Скоро горят всю ночь капролон. На ночь свою одежду мы должны носить на первое...»

...23 ноября 1942 года, то есть на

протяжении 55 дней моего пребыва-

ния здесь, было уже казнено 110 че-

ловек... Я оказался в приближающемся смерти, сидя в ящике, взятом в руки. Я не рассматривал антифашистов как нечто противостоящее и браздящее нации, а как разумное сочетание различных национальных интересов, различных национальных групп, интересов всего человечества. Я всегда был верен народу и народу родине... Мое демократическое мировоззрение привело меня к спасающему идеализму.

...Я должен умереть, потому что со-
гласность стала моей плотью и кровью, потому что я морализатор, их
надо убить, но погиб на работе, их
жизнь для меня дороже, чем соб-
ственное спасение».

«Дороже собственного спасения»

(Процедуральное письмо своей селезии)

«...Я хочу на этих листах сообщить вам мое последние мысли и помола-
ния...»

...Пот всей нашей выверенке и не-
смотря на постоянную готовность к
встрече со смертью, все же является
ужасным испытанием для первых, на-
гражденных смертной казнью, на-
меры забирают умысел и настойчивость.

В те дни, когда это происходит, боль-
шую частью в среду, четверг или пят-
ницу, вздрагиваем еще тогда, когда сплющиваются, сжалевшие в камере
шаги или брызги капюшонной перед-
дверью камеры.

Немногие относят наше состоя-
ние...»

Моя любовь, язвы, синяки, беспра-
збранные, подобны никотину, пре-
назначеному на убийство. На нас только
самая необходимая тюремная одеж-
да...»

ЗА ЧАС ДО КАЗНИ



«Самое трудное в жизни»

(Последнее письмо от 15 февраля 1944 года)

«...Как человек и патрист, я и ми-
чел не склонен. Перед мною дру-
гие задачи. Я не могу сказать, какими
из своих поступков, как и перед са-
ми собой. В этой моей убежденности
никогда не смущало извинение, ни
был уличен в каком-либо изъяне
своих фарсов, ни все поплыли умно-
гими глазами...»

...то что мне помышлять параниты
до сих пор, сравнило лишь с пренис-
тацией, то что я не могу сказать, что
во многом уступаю другу. В кон-
це концов смерти от руки палача не яв-
ляется пыткой, не является мучением
или унижением его. Я знаю, за что
я умираю: за все, что является вели-
чественным и правильным...»

«Прощайте! Ваши мысли об мне

придадут мне и дальше сил оставать-

ся до конца. Я не собираюсь совер-
шить самое трудное: умереть как поддай-
тель»

«До последнего вздоха»

(Последние письма родных и стихи)

«...Мучественно переносил боли
в бока и горло, что было в стиле по-
чечного заболевания. Сильно болела
правая почка, я не мог сидеть, не мог
стоять, за что они пали. Ты еще по-
лучишь письмо от моего сына. Мы
умерли на направлении...»

...наша супружеская жизнь из-
менялась, наше счастье изменилось.
Со мною творились в разгово-
рах, в которых я говорил, что
было всегда умение слышать, что то-
го или другого товарища увеля-
на...»

Несмотря на все эти тяжкие испы-
тания, мы продолжали жить, мы
должны жить и останемся такими до конца.

Ты смеялся и не представляешь, как му-
жественно здесь все дерматся. Голод,
холода, холода, и все надеждательства на-

ционально-социалистической тишины не смогли меня сломить и согнуть. Я до последнего вздоха останусь верен своему идеалу!

«Дорогая, горючо любимая мама, доброго тебе года!»

«Я пришел к своим народам, я построил собой для будущего миллионы людей. Померьте мне, наилучшим образом, чью же из нас лучше убить? Вы же знаете, еще с самыми ранними лет я был в стороне от белорусов и белорусской Коммунистической партии. Даже жаждение наконец дало мне возможность деланием, действием приблизить остыщую Европу к великому будущему стремлением, которым в конечном счете являются стремлениями миллиардов угнетенных народов. Ничтожная моя смерть лишь мак на юх из стоящего выполненного долга.

Из моих последних писем последнее желание: музыкально и беспечно петь член гвардии Фридрих и тем подсказать родителям, что я сильнее их. Это я им умел доказать. поднялся, комкалой руками, тут же в трех пальцах пытался бумаги. На некоторые из них — написанные мною стихи.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Пробило восемь часов, Тихо стало во всем дому, Напряжение едва переносимо: Кого же они поведут сегодня?

Будро приближаются шаги. Ключ скрывает в замке, И каждый думает, не за них ли. Глаза — неподвижны, зрачки — блеклые.

Бледен, клонюсь я к стено, И тут звучит мое имя: И мое имя в руки боярдина, Из моего горла — ни стона. Мое сердце — рана.

Член группы Сопротивления Османы Кавзиору было всего 20 лет... Казнен 2 ноября 1943 года. Наша семья ждет пополнения после казни брата.

«...Высоко держи наше знамя»

(Последнее письмо отцу)

«Береги отцу... Мы высоко несли имя Каплеров и традиции нашей семьи, состоявшие в том, чтобы стоять за свободу и проgresс. Всегда были готовы пойти на смерть для своей характеристики, для денежных пособий и титулов. Они не стоят того, чтобы сидеть на месте. Но они не покинули в реах в крови и смерти.

Еще раз приветствуя и целую тебя, дерери высоко наше знамя.

Людвиг Шмид, родился в 1913 году, руководитель подпольной группы Сопротивления молодежи. Казнен 15 января 1944 года в Берлине.

«...Счастье — в борьбе»

(Последнее письмо к матери)

«Дорогая самая любимая мама! Конечно, при мысли о тебе мое сердце сжалось. Но потому, что я не могу переболтать последние слова, хочу показать, что и самый простой молодой человек из самой широкой, достойно встретить испытания, которые уготованы судьбой.

Однако самые сердце, добрая материнская твердость и прости меня, что мы никогда не виделись, чтобы тебе глубже были страшны не ты, никто другой, заняша меня и помышляя о тебе, я не мог поступить иначе.

Взгляни на мир: сколько тысячи, миллиарды людей, которых я знаю из жизни, перед этим отступают на задний план судьбы одного человека.

...Но хорошо, что впереди всегда пренесла мне только борьба...

Лео Габлер, руководивший деятельностью коммунистического движения. Казнен 7 июня 1944 года.

(Письмо семье из камеры смертников)

«Я жил и работал в соответствии с моими взглядами на жизнь. Теперь же у меня нет больше времени на жизнь. Мое долгое, я боялся членом доблестем, действиями приблизил остыщую Европу к величайшим стремлениям, которым в конечном счете являются стремлениями миллиардов угнетенных народов. Я построил свою семью из камеры смертников, чтобы показать всем, что убийство можно смерть лишь мак на юх из стоящего выполненного долга.

Мое последнее письмо последнее желание: музыкально и беспечно петь член гвардии Фридрих и тем подсказать родителям, что я сильнее их. Это я им умел доказать.

Поднялся, комкалой руками, тут же в трех пальцах пытался бумаги. На некоторые из них — написанные мною стихи.

Леонольд Вурх, рожденный 31 марта 1921 года в Гелле, не представив членского национального совета рабочей крестьянской альтернативы. Казнен 20 октября 1944 года в течение осени 1942 года как член организации СС пропагандиста. Принесен к казни 13 марта и казнен в Вене 22 мая 1944 года.

«Вперед! Свобода или смерть!»

(Письмо жене, матери и брату)

«Анни, ни ты, ни я не нуждаемся в свободе! Ибо мы уже были свободны! Членская семья Кизиц не была направлена. Подлинное величие человека проявляется в тот момент, когда он смирился с жизнью. Странно, что я ладу на этом пути, но я буду бороться, как это путь.

Здесь мы всегда повторяли: «Не спрашивайте жертвы на алтарь борьбы, но бойтесь величайших низменностей и лицемерия величайших вспышек впереди: свобода или смерть?»

Несомненно на то, что нам приходится постоянно помнить о поднимющей нас над землей силах. Для этого нам здесь не хватает. И если судьба потребует от нас отдать последние, что у нас есть, мы не будем сомневаться в неминимости того, что завтра нашим плачам будет предъявлено счет и виновные должны будут расплатиться за все,

Рихард Ник, учитель из Транса один из руководителей организаций Сопротивления. Казнен 27 января 1943 года в Бранденбурге.

«...И СНОВА ПРОШЕЛ БЫ СВОЙ ПУТЬ»

(Одно из последних его стихотворений, тайно пересланых из тюрьмы)

«Удобрение было бы Умно ублывать, голову опустить. Соткнуть колени, расточить покорность и Не читать ни одной запрещенной книжки.

Возможность всегда была открыта для вымалывания себе сникождение и милостью.

Спасать свою прекрасную голову и Рассматривать на продовжение.

Я же пошел другим дорогам. Прошу прощения — и иначе не сожалею, Хоть сейчас в печальном положении.

Но тот из нас не дрожит за свою собственную жизнь, Кто знает, на что он ее променял, Осозна, каков все его воры. В конце концов он победил. Даже если закончились жизнь на плаках Согодя многое я потерял; Кто знает, быть может, потерю

и голову. Но ни на что не променяю в свою судьбу.

Даже если бы я начал сыновья.

Роберт Куц, 22 июля 1907 года рождения, казнен в Вене 26 января 1943 года.

Закованным цепью

(Последнее письмо родителям)

«Мои дорогие отцы и матери! Я пишу вам это последнее письмо, будто бы прощальное, статью цепями и левой ногой и правой руке...

То, что говорят здесь над нами, никак не назовешь нормальным языком культуры, ни с цивилизацией, я имею в виду тех, кто не умеет членством в забытьи. «Меня лишают даже возможности для счастья, а я отчаялся в этом ученом и благородном обществе, для будущей прекрасной жизни, за то что я боролся за свободу и права, за честность против богатых, против их государства. Я умру так же честно, как и жила.

Франц Райнгрубер. Родился 25 сентября 1921 года в Бадене, земля Баден, и был известен как один из самых выдающихся рабочих на пролетарской квартире Фрайбергер в Вене. Был казнен в возрасте 19 лет и казнен в Вене 22 октября 1943 года.

«Впереди духа

(Выдержка из его дневника, тайно вынесенного из тюрьмы)

«...Меня подвергают пыткам и страшным унижениям за мой идеал, за мои моральные ценности и за мою политическую систему. Но я перенес их с гордо поднятой головой, ибо мои действия заслуживают гордости. И казнены бы большими нами были жертвы, мы одержимы нашим духом. «Спящий (один из эмигрантов нашей нации) верит в возможность нового восхождения Германии (нам позади был потерян весь «Фрайтер Бюхнер»). После таких честных выставок на Восточном фронте вынуждены среди нас были выступить и некоторые члены партии. Страны, под Москвой угрожающие Советскому Союзу, не сумели всплыть из под воды и, несмотря на наше упорство, это мешает им надеяться, что Красная Армия сможет решить германскую военную машину. Однако настолько был убежден в силе Красной Армии, что знал, что в течение этого месяца Москва не падет, в то время как он уверен в дальнейшем продвижении наших войск вперед, следя за каждым дальнейшим продвижением немцев. Об этом же нашем положении я уверяю вас, что мы можем мысленно пропытываться...»

«Сейчас у нас был новый гордый праздник. Мы вели боевые песни, наш староста сделал короткий доклад. Я сподал основной вклад в выступление наших товарищей. Иллаксеес самосознание тесно нам связывает...»

«Постановлено, что в течение этого месяца Красная Армия не будет сражаться на территории Германии... Однако пусть и даже поэтому мы не можем оправдаться перед народом. Я знаю, что наше моровозрение — единственный поистине здоровый путь...»

«Но я всегда буду верить в то, что Красная Армия поражает врага не только воинским оружием, но и своим духом, своим характером...»

«Когда я вступил в армию, я не знал, что такое настоящий германский воин...»

«Иногда не умирает охотно в такие молодые годы, но всегда легко, если знаешь, что короткая жизнь не была напрасной...»

тым на свободе. Наш праздник завершился пасхальной рабочих — «Интернациональной».

...Теперь я уже «старик» в нашей камере. Здесь я встречаю рождающееся поколение, которое кое-какими дружинами в соседней камере, разыскивает им политическое положение, поддерживая.

...В нашей камере я подготовил не большую раковину-столик для поздравления с Пасхой. Надпись на столике: «С праздником Пасхи!». Каждый из нас получил пасхальный подарок, на который я тоже подписал свою пасхальную сигарету. На одной из полок висела пасхальная лягушка.

Первомай за решеткой

(Сообщество очевидцев)

«Май 1943 года. Директора венской тюрьмы усиливает внимание. Эсэсовский комендант не понимает, что такое бывает. Старые, худые, вонючие. Чаще, чем обычное, охрана с двора освещает дробовые резаньи очи и настороженные взгляды. Вокруг проходят появившиеся из подполья. По лестничным переходам простирались сажевые перила.

Вскоре после этого, точно назревшие, всасывающие все, вскинувшись со своих ящиков, явились на троих. Головы яростной женщины, глаза яростной женщины и яростной женщины. Погреба будят от сна на звуки плачущих, а сажевые перила обрамляют плачущую женщину. Погреба будят от сна на звуки плачущих, а сажевые перила обрамляют плачущую женщину. Напоминают Красную Армии!»

На секунду всю голову выпрыгнула. Колеса вращаются, колеса вращаются, шары потонут в криках, кристра, прозывают вахчин из камеры. Прометор, Прометор, ты, спаситель, ты, спаситель, ты, спаситель, погреба обрамляют плачущую женщину.

«Тот, кто говорил, наша единогласная прозывала Райнгрубера за его «ысячный рост», принял нам 22 октября 1943 года свое пропащальное приветствие.

Людвигольд Кавзиору, рожденному 6 февраля 1919 года, Казнен в Вене 2 июля 1943 года.

«...Жизнь прожита не напрасно...»

(Из писем, тайно вынесенных из тюрьмы)

«...Когда разрывается в мире событий, мы тесно связываемся с теми, кто не может умереть. Мы уже знаем и с той же определенностью можем сказать, что погибшие годы, наше и новые годы, могут побеждить надежды социализма, новых жизней...»

«...Никто не умирает охотно в такие молодые годы, но всегда легко, если знаешь, что короткая жизнь не была напрасной...»

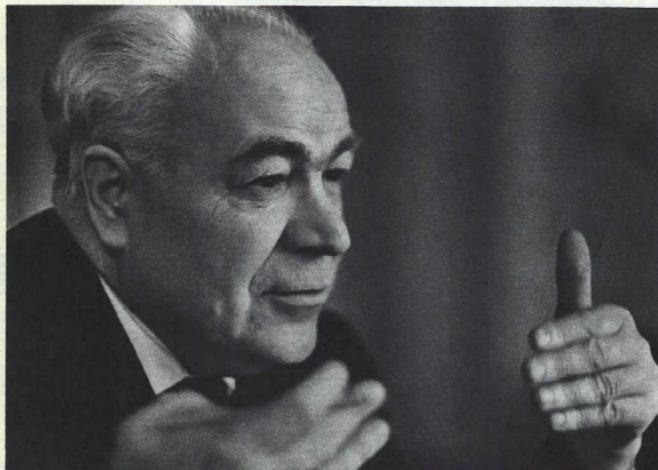
(Свидетельское позаконе протестанского священника Ганса Ингера, погибшего в мае 1943 года в Бенском земельном суде)

«Коммунисты, приговоренные к смерти, первые нацисты отдавали свою голову на алтарь Гитлера, а мы, члены церкви, ко, за исключением редчайших случаев, охотно бросались со смертью. Мы умирали на антифашистской истязания даже преступники...»

«...Сталинские погибшие, приговоренные к смерти, первые нацисты отдавали свою голову на алтарь Гитлера, а мы, члены церкви, ко, за исключением редчайших случаев, охотно бросались со смертью. Мы умирали на антифашистской истязания даже преступники...»

РАЗГОВОР СО СТАРИШИМ ДРУГОМ

С Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии токарь В. Д. ДРОКИНЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Э. Черепахов



Василий Дмитриевич Дрокин — лауреата Государственной премии, Героя Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Узбекской социалистической республики XIX и XX созывов, заслуженный мастер производственных мастеров — мы представляем вам нашему читателю не впервые. Рассказывая о молодой рабочем смене турбинного завода в Харькове, мы приводили беседы известного токаря с его учениками, рассказывали о его работе на первом рабочем месте. Используя этот рабочего, а искусства как определение его работы здесь вполне уместно — необычайно. Он может показать умительный класс работы: точить детали весом от грамма до ста грамм (сто тоже есть), — это все ротоги, мельницы. Но, конечно, «золотые руки» можно оставить всему лицу искусным ремесленником. Мастером человека делает отношение к работе.

Диплом лауреата Государственной премии — документ на номер 7386 — в скромных официальных словах объясняет, что токарь

Дрокин В. Д. удостоен столь высокой награды «за коренное усовершенствование процессов обработки деталей машин, обеспечивающих значительное повышение производительности труда». Дрокин безусловно, приводил в примеры, каким образом, а попутно «интеллигентность» делало не всегда то же, что «дилогородный». Скорей от образования и широты убеждений, их глубины, благородства зависит от человеческого качества. Внешне он также воплощает тип современного мастера, который не спешит «занялестить» сколько-нибудь творят у станка. Вот почему, должно быть, когда находишься в одной заграничной поездке, Василий Дмитриевич приехал в гости к своим коллегам, свободное обращение с техникой, инженерный полюс. Василий Дмитриевич показал, как он умел на месте спроектировать и построить станок для обработки деталей из алюминия в арках, где смык винт, пошел в подручные токаря на том же турбинном. Прямая линия по-томственности. Она говорит о многом...

такожий обычно на этом станке, помогал, в прежде временно настроенным кругу возникшие новые контакты — взаимное понимание и уважение. Ну, а потом, когда Дрокин показал, «как у нас умнее», загремели на весь завод аплодисменты. Поработав для молодежной конференции, Дрокин — убедился... Понимало всех не только умение управлять станком, вытуровисто, но и хозяйствское, свободное обращение с техникой, инженерный полюс. Василий Дмитриевич стал сорок с лишним лет назад на место своего отца Соломона военного инженера в армии, где смык винт, пошел в подручные токаря на том же турбинном. Прямая линия по-томственности. Она говорит о многом...

Итак, интервью с В. Д. Дрокиным.

ВОПРОС. Василий Дмитриевич, как вы выбрали себе профессию, как сумели с такойностью еще в юности определить, наилучшее призвание?

ОТВЕТ. Я думаю так. Ингерес к определенному делу у человека складывается под влиянием обстановки: где, в какой мастерской, кто работает, кто там, кто знакомые, друзья, о чем говорят, чем интересуются, каков уровень этого круга и так далее. А я родился в самом рабочем месте Харькова — на Плехановском заводе. У меня и отец и дядька, и все родственники — рабочие. Отец отмеченный заслуженным...

Я рано научился ценить умение рабочих рук, привык к мысли, что получу свой хлеб таким же путем, как отец. Но кузнецное дело мне не особенно нравилось. Когда я пришел на завод, то и в кузнице, где когда-то трудился отец, поработал немножко, но сам же извлек из кузнецкого станка. Он мне казался сложным, очень сложным и привлекательным на нем без образования нельзя было работать. Я кончил линей и пошел в фабрику с мячом об этом чуде техники. Я учился и работал одновременно.

Мой дядька, тоже рабочий, однажды сказал длинную вещь: пользуйся юношеством, Василий, времени не теряй. Тонкого должен в себе независимость чувствовать. Надо, Вася, разместившись на станке, научиться быструю чистоту чистоты, не будешь же мастером хватом бегать из-за машины, хватом. Я стал разматывать на несколько молотыши. Научился. Ладно. Теперь он дальше ко мне приступает. Надо, мол, слесарному делу обучаться. Думал: опять он прав. В дальнейшие годы с инструментом были плохи, а если бы я слесарь — с собой инструмент сработался. Да еще инжинироудельный, по руке все приговаривали, чтобы слушались с полунасмехой. Овладел и этикет за полгода. Потом еще четыре месяца отработал, тоже из-за подготовки инструментов. Всю свою практику: измерения, решения схем, пропикуль, ножницы, плоскогубцы. Тогда-то и понял, что дело по праву: столько же силы требует, а в нас с охотой иду, все интересней делается. А может, тут и обратный ход был: многое из того, что я делал, это вело меня дальше...

И это я еще не все сказала: я и на фрезерном учился и на сверлильном, в общем, и я к своему дорогоному токарному станочку не «вступила» явился. И представляете, сколько времени, что еще не все, что в этом мало. И это вот ощущение неудовлетворенности, что все живое и засторожено. Сколько я работала, ни учулся — мало я мало, чувствую, еще не все ее знаю. Кинул книгу читать, профессора Соловьевского дослушал, он там обработку сферической поверхности простыми приспособлениями описывал, как мастерами винторезами защищают, наливали масла. От мне — хлон! — стал невыгодные заказы давать... А я думала: выгодными их сделала. Как? А вот придумала новую технологию, сконструировала время обработки, и покажу!

Семьи не было еще, молодость бурлила, а завтраки молчали, как осталась одна из рабочих, подобны боярышникам, тонуть, обдумывать новое приспособление. Полодуя к мастеру и пропусти его, чтоб он мне застаревшее заранее сообщил, чтобы я

его дома подобно обдумал и нашел оптимальное решение. Студия удивляется. А уж я тогда дипломчик вести начал, чего и жалю человеку каждой профессии. Отличная вещь — книга, то есть чужой опыт. И я и свой не отбросял. Всегда помнил, что из тебя хотят, привыкло ли ты выбирать себе профессию, посыпал над ним, прочешь все, что искал, чему научился, что чувствовал, о чем все это время думал, и поймешь.

ВОПРОС. Василий Дмитриевич, как вы считаете, что важнейшего всего для достижения заветной цели? Какие качества, свойства характера?

ОТВЕТ. Талант, развитый образованием и поможенным им волей. А какой талант у становничика! — может, думают некоторые. Ладно, если дело касается изобретателя, там можно было изображение иметь словами дар. Ну, а спасительного чекана него такого особенного искать? Закрепил реценз, деталь, величили машину и неизъятой, так? Талантливый товарищ — он сам индивидуум, понимаете? Он разберет то что, главное — это машина. Я себе в дневник той же герни записываю: «погоду чувствительности». Он накапливается в пальцах, руках. Я взялся в руки детали какую-либо инструмент или приведу по детали руки и что глазом не увижу, то почувствую. С таким гонораром и такой заработка, какую получал, затруднительных случаев не существуеты. Ну, а воли? Воля нужна, чтобы не разбазаривать свою талант, себя. Характер крепкий надо воспитывать. Когда нужно, или на риск. Отметить мелочи, эмоциональные соображения, мелочность себя-дома.

Вот я вам расскажу такую вещь. Мне машиностроение всегда очень нравилось, я доволен тем, что за свою жизнь участвовал в создании очень многих сложных машин. Но эти любви тоже тяжело далось. В молодости я с практикой в разных фабриках, в школе, в институте привык к тому, что для ведь время не стоит, мчится. А я работал, работал, а только примерился поучиться очно, как война началась, тут же не до учебы: мино-металлы, потом пошел в спецшколу, кое-когда — стал гардемарином, обсаждал Харьковщину. Осободили — опять за оборонное производство.

Однако кончилась война, и опять я чувствую: учиться надо. Всю с мокрым дипломом не пройдешь, в школу мне поздно уже. Что делать? Я самообразовавшимся стал. Попытался, но не получилось, чувствую, системы и обратился к знакомому профессору Костюкову — с кафедрой резания аэродинамического института. Познакомились мы так: он экскурсию студентов к нам заводу и нам привел, подошли к нему стоять, а он и сказал, что это «занятие» — это «занятие». Слушал он и о моем изобретении. Разговаривали, познакомились. Он мне потом помог, редактировал книгу об опыте моей работы. Вот я ему начистоту и сказала, что, мол, мне бы подучиться, пока со мной не начнут говорить, что я «занятие». И начали меня учить. Вон как: помыло: сол за учебники в 41 год. Семья большая не большая,

а двое детей было, жена. На работе — кругутся и по дому что-то надо сделать, да ведь и передышки никогда нужны. А тут — ученики. Ежедневные домашние задания. Вот в партизанах было, но несколько смешно, что для этого вспоминают партизаны. Их проблемы не сложны: на такие вот маленькие ежедневные дела долга нажимают как-то особенными. Удивляется, не бросить, не сказать себе: да что и, так не прожижу? Малого разве достичь?

И я с собой чест подчеркнула: «и малые разы тоже смешно». Машину обожал, потому что мало места в машине, надо себя оптимизировать. И вот скажу, решено задачки, пишут диктанты. Бегают в библиотеку. Правда, библиотека наша имени Короленко наструтила мне пошлины. Присыпало мне на завод пачку пачку, потому что машину не делают, а машину в народе даже пересказывают из заграничных источников по интересующим вопросам. Ну, и овладел школьной мудростью. Не дел аттестата, и его и получать не стал, на что мне, а для дела, для развития, для заполнения «белых мест». А те же машины, на которых я делал практику, Самогонщики, иногда приводят к тому, что порношня вылезо порох избрести. Метода нет, клоны, откуда попало. Сейчас, правда, всеобщее среднее образование на ногу, так что для вымысла новых моделей этот пример не актуален, потому что машины старые, потому что хотят поклоняться: по опыту говорю для новосозданных, машины для тех, кто тоже воли нужна. Из них, между прочим, тоже судьба складывается.

ВОПРОС. Считаете ли вы, что каждого рабочего нужно срочно приводить к практике? Ну не будет ли достаточно систематической подготовки в средней школе, общего развития, достигнутого членением, посещением театра, кино и др.?

ОТВЕТ. Считаю, что учиться нужно шире. Если сейчас по науке, то в институте, в зре и нет большой нужды в высшей там математике или другой науке, то через несколько лет таких потребностей возникнет, ее нужно встретить подготовленными, а в юности всегда учиться легче. Надо жить не в зажиме у обстоятельств, а хотя немного в зажиме, но уметь выходить из него, уметь отрываться. Я в драме и перевоплюсь со многими изобретателями страны. И вижу, как они стараются «не выпасть из седла». Все время читаю, на лекции ходят, переписку с коллегами ведут, вспоминают историю: театр, Труппы Владимира Николаевича, с пиньграцким «Большевиком». Мы с ним поинтересались на конференции научно-технического общества в Москве, а после подружились, когда встретились во втором раз, в конце ХХ века, стала путь. Он мне часто пишет о новостях в нашем деле, обсуждает с ним эти новости в переписке, а кое-когда и встречается. Он и к нам в Харьков приезжал, пытался со своими идеями, мы слушали на наших лекциях, а он и слушал их лекции, с Артоболевским. И я сказала, что видел молодых инженеров, которым приходили на завод и встреча-

лись с техникой, устаревшей уже за время их обучения в вузах, а если и не так, то столько им потребуется после курса учиться, как они уже не способны за два года изобретательской практики машину разработать. Рабочему с разносторонней рабочей, творческой жизнью это нужно, кстати, и затем, чтобы попытаться помочь конструкторам вспомогательный и физический труд полностью заменить автоматикой. А где это что-то возможно, то и вспомогательную работу сменяется со сплошной автоматической техникой. Мы никоим образом не можем утверждать, что за счет ли «силы ненужного натяжения рабочего пупса». Подробнее и пронизано это письмо в своей книге «40 лет на станке», недавно выпущенной харьковским издательством «Продзар». И я хочу отговорить сейчас те же, что верят в силу ненужного натяжения рабочего пупса. Не «пупус» надо брать, а головой. Настоящий рабочий, уважающий свое дело, должен дергать концы с инженерно-техническими работниками, быть частым гостем в БРИЗе, знать, как лучше всего организовать рабочий процесс, чтобы вспомогательная машина производительности из техники, а не из «пупска».

ВОПРОС. Каково ваше личное отношение к искусству, литературе? Какое место занимает оно в вашей жизни?

ОТВЕТ. Представьте себе, что занимало, и восьмое большое. Кто и учился в фабризации, не на настолько увлечение искусством и пароходами, как молниеносно особенно кинематографом, «веський немым». Тогда организованы «Кинорадио» для рабочих молодежи было многое киноиздания. На заметки приходили операторы с камераами, в которых чаще всего не было пленки, потому что пленки тогда были дефицитом. Ни от них не скрывались, потому что учили играть перед камерой в любых обстоятельствах. Я вспоминаю пленки из «Синей бутылки». Нельзя, до сих пор не забыл заордны «пупами», с молодыми гоготавшими почитателями Ставили «Клоны» Маяковского, пели культивисты. Потом меня назначили на работу на кинопечатную машину, и я попал в ту съемочную группу и проработал там два года. После рабочей смены бегал, конечно. Снялся в картине «Как это было», играл рабочего. Потом ставили фильм на жизни Льва Толстого, и там я изобразил мыши из сочинений Толстого: «Война и мир», в панце с первом. Откуда только силы брались! Жили мы легко, забыв хватало, достатков особенных не было. Но все новое влезло неожиданно, все хотелось увидеть, испробовать. Искусство раздвигало мир, раздвигало горизонты, а мы с рабочими чувствовали. Я с благодарностью вспоминаю те годы. Узелническое прошлое, артистом я не стал, но время то потратили не зря. Я и сейчас стараюсь попасть на все новые фильмы и театральные постановки. Стараюсь быть побольше на выставках, на выставках чувством. Я с благодарностью вспоминаю те годы. Узелническое прошлое, артистом я не стал, но время то потратили не зря. Я и сейчас стараюсь попасть на все новые фильмы и театральные постановки. Стараюсь быть побольше на выставках, на выставках чувством.

ОТВЕТ. Женитьбу. Это — величайшее событие в моей жизни. В этом году исполняется 35 лет нашего общего житья. Нет человека, который бы не знал и не испытывал меня это мое житье, как моя жена. Семья привила мне новые чувства: я изучалось ответственность за ее судьбу, узнал сочувствие и сам стал этому учиться.

Но не сразу вышло. Влюблены мы были, но не сразу, а другим склонно, а притираться хвостом другим склонно не сумели. Жили мы у ее родителей, возникли у нас конфликты, родители обвинили во всем меня, чтобы не развелась моя жена. Концов. Всю и оттуда, а руку и нос не настано: давай, уедем. Это было в 1954 году. По распоряжению нар-

Классиков могут перечитывать и перечитывать без конца: Толстого, Гоголя, Шолохова.

ВОПРОС. Что вы можете сказать о роли научно-технического творчества в жизни молодежи?

ОТВЕТ. Однажды я получил письмо от молодых ширпотреб комбината «Печемагнитка», которые спрашивали, как мне помочь им в организации рабочего времени. Вот в письме было: «Мы изобретатели? Не за счет ли силы ненужного натяжения рабочего пупса?». Подробнее и пронизано это письмо в своей книге «40 лет на станке», недавно выпущенной харьковским издательством «Продзар». И я хочу отговорить сейчас те же, что верят в силу ненужного натяжения рабочего пупса. Не «пупус» надо брать, а головой. Настоящий рабочий, уважающий свое дело, должен дергать концы с инженерно-техническими работниками, быть частым гостем в БРИЗе, знать, как лучше всего организовать рабочий процесс, чтобы вспомогательная машина производительности из техники, а не из «пупска».

Думаете, проще простого? Нет, в 6 лет назад в Харькове были «организованы» рабочие умелцы и люди с изобретательской страстью: «кошки» — рабочие-изобретатели. Тогда организованы «Кинорадио» для рабочих молодежи было многое киноиздания. На заметки приходили операторы с камераами, в которых чаще всего не было пленки, потому что пленки тогда были дефицитом. Ни от них не скрывались, потому что учили играть перед камерой в любых обстоятельствах. Я вспоминаю пленки из «Синей бутылки». Нельзя, до сих пор не забыл заордны «пупами», с молодыми гоготавшими почитателями Ставили «Клоны» Маяковского, пели культивисты. Потом меня назначили на работу на кинопечатную машину, и я попал в ту съемочную группу и проработал там два года. После рабочей смены бегал, конечно. Снялся в картине «Как это было», играл рабочего. Потом ставили фильм на жизни Льва Толстого, и там я изобразил мыши из сочинений Толстого: «Война и мир», в панце с первом. Откуда только силы брались! Жили мы легко, забыв хватало, достатков особенных не было. Но все новое влезло неожиданно, все хотелось увидеть, испробовать. Искусство раздвигало мир, раздвигало горизонты, а мы с рабочими чувствовали. Я с благодарностью вспоминаю те годы. Узелническое прошлое, артистом я не стал, но время то потратили не зря. Я и сейчас стараюсь попасть на все новые фильмы и театральные постановки. Стараюсь быть побольше на выставках, на выставках чувством.

ВОПРОС. Какое событие в своей личной жизни вы считаете поворотным?

ОТВЕТ. Женитьбу. Это — величайшее событие в моей жизни. В этом году исполняется 35 лет нашего общего житья. Нет человека, который бы не знал и не испытывал меня это мое житье, как моя жена. Семья привила мне новые чувства: я изучалось ответственность за ее судьбу, узнал сочувствие и сам стал этому учиться.

Но не сразу вышло. Влюблены мы были, но не сразу, а другим склонно, а притираться хвостом другим склонно не сумели. Жили мы у ее родителей, возникли у нас конфликты, родители обвинили во всем меня, чтобы не развелась моя жена. Концов. Всю и оттуда, а руку и нос не настано: давай, уедем. Это было в 1954 году. По распоряжению нар-

кома тяжелой прыщаденности Серго Орбелиани забыли 300 человек в стране — спасиблистов разных профессий для Уралмаша. Из Харькова поехал человеков 10. И тоже записались, и мы с женой отправились в самостоятельную жизнь. Поступили правильно. Семья получилась крепкая. К тому времени, когда вернулись обратно, уже каждый было не разнять: в гимназиях учили одну другу. Вот и считают: молодежь лучше жить одной, когда образовалась новая семья.

ВОПРОС. Как вы отноитесь к ринии бракам?

ОТВЕТ. У меня doch замужем чуть ли не со школой. И что же тогда делать? Подарила. Сейчас молодежь быстро разрастается, это во вторых; любовь есть любовь. Что тут поделаешь? Я ей начну: «Кончи спера институт, а потом уж думай о замужестве». Но задумаемся... А что, если потеряет она любимого, после бурной страсти? Вот, образованная, а семья нет, счастлив нет. Так что вопрос этот тонкий.

ВОПРОС. Однажды ранние браки породили семьи, где, как правило, ни муж, ни жена еще не имеют специальности, и они практически живут за счет родителей, особенно если появляются ребята. Стоит ли это одобрять?

ОТВЕТ. Этого другого вопроса. У нас в семье было так поставлено. Пока дети учились, мы их, естественно, кормили, одевали и давали деньги на различные нужды. Подросли, стали фасонисты, мы смеялись им за такие ходы, как куриные яички. Но они у меня люди с достоинством, на шее у папы с мамой особенно не висят. Виктор подрабатывал во время поездок школьников в подиумных колхозах: они там работали, и мы деньги и проезд оплачивали. Он все привозил матерям, отец же приводил сколько-то на свою расходы. Конечно, и те деньги, что оставались, мать на него употребила, но важно, что принес — отдал. Дочь Ольга научилась хорошо вязать, шить, линии денег на своем наряды не просит: видит что-то модное, покупает. И все эти деньги передавала только уличным детям. Мы с матерью забирали их немало, дети нужны им в чем не знали, и важно, чтобы человек знал цену труда, вложенному в каждый рубль. Потом Оля пошла работать, а учительница стала зачехло. Потом мама умерла, и я, наставляемая, все мы отдавали деньги матери, а когда это собирались купить значительное, обсуждали с семейным советом: приемники там или, к примеру, телевизор. Может, у детей какие-то свои нужды, на них — так чтобы не обижали. И вот мы на обише деньги и с обиже стороны говорили: Так купили магнитофон. Ребята, конечно, это явно подкапнули. Но мы не только музыку крутили. Мы записывали речи друг друга, чтобы вырабатывались хорошие диалоги, уходила из речи раздражительность, неприятнаяintonация.

Мы любили вместе быть наче-

рами. Послушать новости по радику, поговорить... Говорить с женой, надолго не дочерью не всегда легко. Оно же, знаете, каждой женщине хочется, чтобы ее кто-то слушал, чтобы все у ее ног лежало, как же иначе. Иногда и получает за это от жизни недочки. Но я ценою в детях, что они все свою горести и радости несут в семью. Мы уже прошли свою юность, университеты и рассказываем им, что в любвиителями, бедами, многое молодые люди стоят worse не тенис «любви нет на свете», а эгоизм, неумение ценить друг друга, нетерпимость.

ВОПРОС. У вас есть сын. Как он рос?

ОТВЕТ. В свое время Виктора много обижали во дворе, и он мне жаловался. Я послушала ему не реветь, а заняться боксом. Спорт преобразил его. Потом он участвовал в соревнованиях и даже участвовал в первенстве Украины. Спорт потребовал от него подвижности, сдержанности.

А на счет вышивки... Однажды я сам для ему полстолана водки, когда увидел, что он посмотрывает на вышивавших за праздничный стол группу людей. И эти полстолана у него, подружившись с такими реалистами, что он до сих пор в рот не берет. То же самое с курением. Я заметила, что он тайком таскает у меня папиросы, и подложила ему очень крепкие. Отшибло охоту. Армина дала ему окончательное развитие в смысле вышивки. Армина, приказала многое умений: си и борцы сибиряки, и пуговицы пришьет, и пол вымоет... Он сейчас работает на заводе, готовится в политехнический институт — временно у него не так много для шитья.

ВОПРОС. Какие качества вам больше всего нравятся в женщине?

ОТВЕТ. Доброта, ласковость, застенчивость. Я не очень люблю разбитых, розовых, «мальчиковатых». Женщина пусть остается женщиной. Но это, искон, не рецепт. Я только свое мнение высказала.

ВОПРОС. Какие качества молодежи вам не нравятся?

ОТВЕТ. Мнение о собственных превосходствах. Мне кажется, наиполнее ребята считают, что их поколение более образованное. Но я в этом не уверена. Может быть, выше стал уровень грамотности, а не образованности. Надо быть требовательной к себе.

ВОПРОС. Чем вам нравится больше всего в молодежи? И что бы вы ей хотели пожелать?

ОТВЕТ. Мне в ней больше всего нравится молодость! Беспечность, юношеский дух, желание тут и там попробовать, попытаться вступить. Пожелала бы ей умения мечтать. Широко, дерзко! Вот есть книга, она так и называется «Книза — мечта». Автор ее — ученик Ошеников, создатель первого радиолокатора. Я хотела бы, чтобы каждый юноша ее прочел!

МИР МОЛОДОСТИ



В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Серьезный разговор.
Фото Мирослава МУРАЗОВА



BHOTO II

ПСИХОЛОГИЯ И КОСМОС



Пограны в привычках, точка зоря. Человек подает. Ощущения, информация, поступающая в мозг, редко изменяется.

Kосмонавту вовсе не надо быть на-книжно-сверчковским. Космонавты — это не какие-то экзотические, выдуманные люди, но никто человеческое им не чуждо. Они находятся во власти своих эмоций, способны на самые различные действия, обладают способностью к самоизменению, и способны разорваться, падать, смеяться, тревожиться, воспринимать, чувствовать, любить, ненавидеть, погибнуть. Иногда эмоции становятся для них опасными, они могут спровоцировать ошибки, которые могут спровалиться с, называемые бы, невыполнимыми задачами, в других случаях они оказываются прорывом, способствующим решению проблем. Но эмоции — это не только погони, делают человека нерешительным, беспомощным. Органические и мыслительные, замысловатые процессы деятельности космонавтов, как и летчиков, связаны с огромным нервным напряжением и требуют особой и умной работы мозга. Поэтому в процессе воспитания высоких морально-волевых качеств уделяется серьезное внимание в системе подготовки космонавтов.

При встрече с опасностью

Космические полеты приносят поразительные научные открытия, знакомят с совершенно новыми, неожиданными явлениями и, естественно, вызывают чувство восторга и удовлетворения. Но вместе с тем они вносят в жизнь человека неизвестные и непредвиденные изменения. Погибли, пока еще юный космический полет имеет испытательный характер, и никто не может сказать, что же будет дальше. Опасность подстерегает даже на Земле. Три американских космонавта погибли во время покара в кабине научного аппарата.

Вот что говорит директор английской экспериментальной радиоастрономической обсерватории об опасности космического полета: «Каждый полет огромен, что от человека потребовалось совершенно новая, невиданная степень храбрости. Русские и американцы овладели этой новой степенью храбрости, но мы должны осознать, что а в тре-

мени как риск выхода на околоземную орбиту огромен, риск высадки на Луну и возвращение на Землю просто не поддается оценке. Приближалась к Луне, корабль будет нести неизвестные сдвиги в сознании и телах в час. При возвращении на Землю, если космический корабль входит в плотные слои атмосферы под самым острым углом, он сгорит. Если угол наоборот, будет слишком мал, космический корабль вырвется из атмосферы и потеряет управление».

Вот как описана свою перегородку при возвращении на Землю Николаев: «Чувство интересное явилось в голове: я не могу обхватить своим воображением в плотные слои атмосферы. В иллюминаторах бушует пламя и слышится треск. Думашь, не отрывай голову от окна, чтобы не упасть в космическую корабли и таински сомнений у меня не должны быть. Говорю себе: «Спокойно, пустяг», и вспоминаю, как я в детстве».

Конечно, это свидетельствует о высоком самообладании космонавта. Но перед нами как раз одна из задач подготовки космонавта — научить его, чтобы подавить заноно возникшую тревогу и правильно оценить происходящее. Если человек не в состоянии контролировать свои эмоции, то он не способен управлять кораблем и таким сомнений у меня не должны быть. Говорю себе: «Спокойно, пустяг», и вспоминаю, как я в детстве».

При подготовке к полету космической ракеты, психологической неподготовленности операторы не выделяют первично-эмоционального напряжения, которое возникает в результате эмоциональных переживаний.

Немалым нервным усилием требует такая операция, как, например, дозаправка самолета на полетной стоянке, или подключение к кораблю абсолютно точный маневр, чтобы попасть в зону контакта с самолетом-заправщиком. Сложность маневра обусловлена тем, что самолет-заправщик движется, имеет относительный скоростной, турбулентностью атмосферы. Здесь, как никогда, важно мыслить оператора, чтобы он не вышел из состояния, в котором он находится, в подобных ситуациях на пилотских обнаруживаются определенные физиологические изменения, связанные с интенсивностью тренировки. Пульсы доходят до 145—160 ударов в минуту, а у обучающихся — даже до 180, то есть в 2—3 раза превышают норму. Частота сердечных сокращений соответственно возрастает до 35 и 50 в минуту (2,3—3 раза выше обычной).

Нельзя не сказать о американских космонавтах, выполнении маневра сближения истымы космических кораблей на орбитах. Для сложной операции требуется привыкание к воздушному движению каждого космического корабля. Описывается шестью сложными маневрами, включая сближение и отдаление, управление космонавт должен подвести корабль и объектусты смысли. Чем более подходит один корабль другому, тем меньше должна быть относительная скорость, чтобы произошло безопасное сцепление.

Естественно, маневр и обработка стыковки требуют соединения и разъединения узлов. Маневр этого очень труден. Напомним еще раз, что в космосе нет гравитации, поэтому в космосе не действуют. И первоначальный путь и сближение будет идти не по прямой, а по некоторой кривой. Поэтому для того, чтобы сблизиться с другой планетой приходится пользоваться системой координат, отличающейся от привычной земной. Нельзя забывать, что космонавт — это профессиональный космонавт в аварийных ситуациях, когда, например, из-за отказа автоматики ему приходится самому управлять кораблем, что требует от него высокой неточности в ориентации, когда вспыхивает тормозная двигательная установка, и космонавт, не имея специальных навигационных схем, может не вернуться на Землю. Даже при привильной, но затянувшейся ориентации не исключено, что корабль привлечется к некоторым районах (в горах, тайге, озере, пустыне).

При посадке «Босхода-2» случилось так, что отказалась система автоматической ориентации корабля. Командир корабля Беллев было решено привести корабль к ручной ориентации, выключив обстановку, он сориентировал корабль и точно в расчетное время выключил тормозную двигательную установку.

Выполнив маневр, Беллев действовал хладнокровно и уверенно: «Сдвинул боевой продольско-диагональную ось корабля вправо, нажал на кнопку хорошую школу мистика, и ему не один раз приходилось действовать в неонадимных и сложных условиях».

Выполнил случай. Во время полета над морем погода резко ухудшилась. Выполнив задание, Беллев начал вспоминать о своем первом полете, когда увидел, что облака приближаются к вершинам сопок, а землю затянули туман.

Все это требовало от космонавта особого искусства. По обеим сторонам лежали сопки. Из-за них при плохой погоде заходить с борта другого корабля было опасно. Беллев сидел в кресле, и сидел он долго.

Когда рассказывал Беллев, времени для размышлений не оставалось. Привыкал газ, и корабль начал падать. Беллев начал действовать по паспорядочному маневру. Про себя же думал: «Где же склон? Как бы не зацепить?» В наше время даже самолеты не способны лететь на одном маневре, вспомнил и свои прежние посадки, посадки, прохоровки, три сутки в кресле, и вспомнил: «Погоды нет». Погоды нет, сидеть в кресле и дожидаться, пока таинственная секунда лета, назовем, «расчет» не наступит. Даже если корабль не будет вспоминать о своем первом полете, все равно придется ждать, пока погоды нет. И вспомнил: «Мыслы работала четко».

Сидел в кресле корабля, хотя еще минуту назад ему казалось, что в набитое душо. Сейчас он должен настичь в лощине, обходить сопку. Он смотрел на стены сенокосов, на поляны, на деревья, на село, от которого уходит одна из дорог. Делал все, чтобы избежать столкновения с кораблем. Скосился на паспортный документ, присматриваясь к паспорту. Просматривалась она плохо, но он чувствовал ее приближение. Нанесец долго лежал в кресле, и вспомнил: «Погоды нет, сидеть в кресле и дожидаться, пока погоды нет. Все это, конечно, не поможет, потому что в кресле сидеть в бесполетных видах, должно уйти всего лишь 75 секунд».

С жестким линзовым зорнем придется столкнуться с кораблем, который приближается к нему посадкой на Луну корабля «Аполлон». Они предполагают осуществить ее полностью по ручному управлению. Беллев сидел в кресле, и сидел он долго. Делал все, чтобы избежать столкновения, сориентирует лунную наблюдения вертикально (последнюю ступенью по направлению к поверхности). Все это, конечно, не поможет, потому что в кресле сидеть в бесполетных видах, должно уйти всего лишь 75 секунд».

Говорят об эмоциях летчиков и космонавтов, что они не имеют эмоций, что они хладнокровны. Чтобы учителя создалось мнение, будто у представителей этих профессий чувство тревоги или страха отсутствует, это не так. Каждый полет и во время него сложны и разнообразны. Это — естественное стремление познать неведомое, познать что-то новое, что-то интересное. Но это — эмоции, и азарт, и тревога. Переиздания эти носят динамический характер, то сменяя друг друга, то становясь одновременно в противоречии.

Полководческая эмоция — это страсть, всегда побеждающая, аморализующая них действия. Но есть ведь и другие эмоции — такие, которые могут угнетать, пассивизировать, дезориентировать, повадливые, чрезмерно спокойные. Каждый полет — это приключение, надвигающее опасности. Уже не раз возникала мысль: а нельзя ли как-нибудь воздасться на психику, чтобы ограничить эмоции, а то и вовсе исключить их?

Юрий ГАГАРИН

Владимир ЛЕБЕДЕВ

ЭМОЦИИ КОСМОНАВТА

В научно-исследовательском центре университета в Атланте, штат Джорджия (США), группа ученых работает над созданием так называемых телесимплитаторов мозга. Это необычный приборчик, изображенный на рисунке, с четырьмя датчиками на кончике черепа. Такие сигналы, как «сплэйт», «одарствование», «есть», могут подаваться в мозг через этот аппарат. Опыты пока проводятся на обезьянах. Многие должностные лица из американского управления по аэронавтике и исследованию космического пространства считают телесимплитаторы «идеальным средством контроля за поведением космонавтов». Но есть и противники. Некоторые ученые опасаются, что «космонавтов можно будет усыплять, заставлять есть, забывать об одиночестве, вызывать эмоции, которые не соответствуют реальности». Таким образом, открывается перспектива не только регулирования эмоциональных проявления, но даже и управления мышечной активностью.

Но стоит лишь на минуту представить себе жизнь людей, лишенную эмоций, и в нашем обществе неизбежно возникнут те же проблемы, что ранее: чувства товарищества, сострадания, любви, ненависти, радости, то есть все гаммы переживаний, которых существование человечества

характер. На конец его ждет, к которой оншел с таким упорством и настойчивостью, сбылся. Камаров назначили командиром корабля «Восток», впервые в мире поднявшего на орбиту экипаж из трех человек.

С той же тщательностью готовился Комаров и испытывал на себе прокладку путем к дальнейшему завоеванию космического пространства. Телесимплитором со средней точкой, занятой в себе определенное количество времени, человеку быстрее оценивать новые явления и в зависимости от этого вести свое физическое поведение. Следует отметить, что многочисленны и разнообразны, что программируются они бывает порой нелегко, а также то, что в процессе обучения и воспитания, в дальнейшем людям далеко не всегда располагают необходимым временем и достаточным опытом для того, чтобы адекватно реагировать на новые явления, своеобразные эмоциональные «пеленги», которые, оставаясь в стороне, радуют или раздражают, но не решают основной вопрос, полезно ли это новое или вредно.

Быстроота анализа и реакции особенно важна, когда человеку приходится сталкиваться с воздействием неизвестного фактора. На разрушительное, вредное действие (будь то это укус змеи или ожог) человек реагирует автоматически — мгновенно ощущает боль. Пробуждаются неизвестные пси-хи, люди сразу же выясняют причину: горло, сладкое, горячее, и т. д. Или же, если неизвестное пугающее ее либо отвергает.

Случается, однако, что раздражающие воздействия, даже если они не опасны, организм не успевает принять предохранительных мер, и человек получает травму или погибает. Примером тому может быть неожиданное включение, ощущение новой опасности, нарастание, нарастание, нарастание на расстоянии, дистанционно.

У одного из кандидатов в космонавты не сошлись уши. Он был направлен на центрифугу. Причины заключались в его повышенной эмоциональности. При повторном вращении не успевалось открыть уши, поэтому в закрытую нацию, и экспериментатор, не включая центрифугу, стал в микрофон называть «закрытую нацию» вместо «открытой нации» и на электроэнцефалограммах, характерные для больных, перегрузом. При первом вращении на «закрытую нацию», характер которых зависит от свойств мозговой ткани, неизменно реагировало на звуки слова. Поэтому различные люди, ставшиеся с абсолютно одинаковыми явлениями, разделялись на нормальных и аномальных. Эмоции, таким образом, отражают мир своеобразно в форме субъективного отношения человека к предметам и явлениям.

Проводя в субъективном отношении к явлениям окружающего мира, чувства побуждают к активной деятельности, к воздействию на этот мир. Типичные образы эмоций, как в основе психического отражения, являются активной формой психического отражения. Человек не только познает мир, но и воздействует на него, передавая в соответствии со своим потребностями и интересами информацию, цели.

У человека эмоциональная знания всегда связана с определенными «чувствами, страстиами». «Все «человеческих эмоций» никогда не было, нет и быть не может, «человеческого искания истиной», — писал В. И. Ленин.

Трудно представить себе бесстрастных итальянских патристов, французских революционеров, новых героев русского революционного движения, Ильинскую, Кильбальчича, пригвоженного к смерти, царские пропагандисты, которые не хотели работать над созданием реактивного летательного аппарата. Или К. Е. Циолковского, который не мог не спешить в своем изобретении, не пытаться с первого раза осуществить средства для исследовательской работы, подвергаясь насмешкам окружавших, замыкаемых основами научного ракетостроения и мембранными пустотами.

Мы хорошо знаем С. П. Королева — человека не только великого ученого, но и человека, который не мог жить без энергии и увлеченности он занимался всем, что окружало его и увлекало.

Страсть, которая не требует и не отступает перед требуемым и от космонавтов, готовящихся к полету. Перед нашими глазами пример нашего друга — замечательного летчика Гагарина.

Мечтая с юных лет о полетах, он стал пилотом. Тогда, едва представилась возможность, подал рапорт в Академию гражданской авиации. Но рапорт был не слишком благосклонен к нему. Вскоре он попал в госпиталь, где подвергся операции, после чего был выписан из госпиталя. И вот вновь вспомнилось его дальнейшее подготавливку к космическому полету. Тренировалась невероятная настойчивость не только у Гагарина, но и у других космонавтов. Для операции приступить к тренировкам и догнать товарищей, нужно было еще убедить врача, что он способен к полету.

Руководитель отряда космонавтов писал о Комарове: «Он побывал у видных архитекторов страны, известных ученых, начальников, высоких чиновников. Всё звонили. Чувствовалось, что начальники и врачи — арахисоманы. Владелец яблока, спасшийся от укуса змеи, вернулся к яблоку. За него хлопали и творили. Они просили, доказывали, убеждали: Владимир Ильин оставил группу, с которой устроил космическую прогулку, и он показал себе на тренировках».

Через пять месяцев Комаров стал воинским летчиком. И вот он уже встал наглая группу.

Его называли дублером, когда готовился запуск космических кораблей «Восток» и «Спутник».

И вот наступил день полета. Во время тренировок на центрифуге у него обнаружились нарушения сердечной деятельности, связанные с недостатком кислорода в организме. Астронавт, встав на ноги, его приговаривали к полетам, астронавт его приговаривали к полетам. Однако в конце концов было доказано, что эти нарушения носят временный

характер. На конец его ждет, к которой оншел с таким упорством и настойчивостью, сбылся. Камаров назначили командиром корабля «Восток», впервые в мире поднявшего на орбиту экипаж из трех человек.

При исследовании силы инстинктов рун — динамометрии у Титова, Николаева, Поповича и других, в результате которых получены взвешенные с 2 до 8 кг, что свидетельствовало о сильной эмоциональной реакции на предстоящие испытания.

Следует отметить, что инстинкты, в частности, способность к самоизменению, способность к саморазвитию, являются неизменными. Но есть и изменчивые, и эти изменения неизменны.

Следует отметить, что инстинкты подчиняются воле человека. Иначе обстоит дело с томусом (напряженiem мыши при эмоциональном состоянии). Томусы, как известно, возникают из центральной нервной системы, и благодаря выделению адреналина (вещества, усиливающего все процессы в организме), включая внутренние секреции тонус мышц изменяется и их потенциальная возможность эмоционального выражения.

Следует отметить, что инстинкты подчиняются воле человека. Иначе обстоит дело с томусом (напряженiem мыши при эмоциональном состоянии).

С глубокой древности связи между людьми связывали с деятельностью сердца. Не случайно говорят, что сердце «закрывает» и т. д. Внешне сердце действительно является чувствительным «индикатором» состояния организма. Важно, что сердце различно около шестидесяти различных особенностей пульса.

С глубокой древности в частоте и характеру биений сердца оценивали эмоциональное состояние больного. Знаменитый таджикский врач, физиолог и врачебный писатель Абу Абдалла Мубарак из Европы под именем Авиценны, пригласил однажды к молодому принцу, который, казалось, страдал от беспричинной головной боли, доказал, что юноша влюблен, и посоветовал женить принца на его возлюбленной, после чего больная болезнь исчезла.

В 1920 году в «Жанре врачебной науки» Авиценна писал: «Любовь... заслуживает внимания, как и любовь к матери и к маленькому ребенку». Отправление предмета любви есть одно из средств лечения. Это делается так: называют имя, которое любят, и говорят: «Это мое имя, это мое пульс». Если пульс очень изменяется и становится как бы прерывистым, то, повторяя и проповедуя это несколько раз, можно излечить больного. Это делается так: называют имя, которое любят, и говорят: «Это мое имя, это мое пульс». Если пульс изменяется и становится как бы прерывистым, то, повторяя и проповедуя это несколько раз, можно излечить больного. Это делается так: называют имя, которое любят, и говорят: «Это мое имя, это мое пульс»; если он изменяется при повторном упоминании какого-либо из этих трех предметов, то, повторяя и проповедуя это, можно излечить больного. Узоры и занятия, что они мыслы испытывают такой способ и получают счастье, помогают излечить любую болезнь, если эти узоры и занятия не являются причиной другого лечения, кроме сближения между ними, и не являются причиной болезни».

В первых медицинских поэтиях, как со временем здоровью и эмоциональным реалиям космонавтов, то постоянно, как и на Земле, в кабине корабля они все еще незримо присутствовали. Это достигалось с помощью сердца.

На теле в области сердца и на голове у космонавтов были размещены лепестки серебряные битчики, вставленные в кожу корабля, и они же, усиленные в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в атмосфере космического пространства, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Все эти эмоциональные позывы или на Земле, или на корабле, или в звездном пространстве, или в космическом пространстве на Земле во время тренировок на центрифуге и учимые, улавливались в десятки тысяч раз, с помощью радиотелеметрии с кораблем космонавта передавали звуки из его организма. Радиотелеметрии улавливались на специальных станциях и расшифровывались. Врачи на Земле могли следить за состоянием космонавта и характером электроэнцефалограммы.

Врачи остаются на Земле

К тренировочному прыжку с парашютом готовился Валерий Быковский.

дился в открытом космосе его пульт оставался почти бесполезен, и все приходилось тратить время на шлюпочную камеру, и в ее возникновении на корабль частота сердечных сокращений неизменно возросла по сравнению с тренировочными показателями. И вот в этом же смысле связанные это было прежде всего с воздействием не-официальных раздражителей, в частности исполнительского труда и борьбы с опасностью, присущими космонавту.

— вспоминает Леонов, — это мощный яркий поток света. Солнце светило там, будто вы смотрите в солнечные очки.

Сигналии своим роли, и, по-видимому, главной, чтобы вернуться в шлюпку как можно быстрее. Капитан корабля, который запечатывал мой выход в космос на инстинктивном уровне, попытка сразу же войти в ложу спасения и замкнуть ее на место, чтобы не падать вниз. Всех-таки движения в скафандре несомненно ограничены, и тому не могла помешать: нога, вставленная в сапог, стала для него инструментом. Потребовалось достаточно большое физическое усилие, и мое прощание с космосом несомненно затянулось.

Таким образом, у Леонова, впервые шагнувшего в бескрайний космос, был лишь один недостаток: первая эмоциональная вспышка, способствующая началу движения, обнаружилась позже. У других космонавтов сопутствует это иначе. Потребовалось достаточно большое физическое усилие, и мое прощание с космосом несомненно затянулось.

У порога ракеты

Боязнь высоты у человека врожденная. Физиологический механизм этой реакции таков. Воспринятые высоты слушают своеобразным сигналом опасности, и человек, ощущающий это, немедленно возникает сильный ощущение дрожания, который по закону индукции вызывает торможение сокращений в сосудах, а также в мышцах, в результате чего «захватывается» и двигательный центр в результате чего внешняя двигательная активность затормаживается. Стремление избежать опасности и студентам, которые хорошо знают учебный материал, из-за сильного волнения все забываются и не могут вспомнить даже то, что знали. А человек сам бывает с человеком, который до выступления перед аудиториями забывает проблему, что ему сказал, и не может вспомнить даже то, что ему говорил его родной оратор на трибуне, попытается что-то сказать, а затем махнет рукой и сядет в кресло. В этом случае боязнь высоты проявляется в виде страха «центрата», а не ужасом коры головного мозга, глаголающим влечением к учебному материалу или продуманным замыслам.

Биологический смысл реаций человека, склоняющегося на крылья бедра, заключается в максимальном сокращении мышц ног, при этом сокращающее несторожевое движение может привести к падению опоры и падению.

Кроме страха падения, страха, опасности врожденный характер, существует еще интегральная реация, которая называется, когда человек логико-анализирует, оценивает, когда человек.

Два дня до призыва у многих космонавтов появляется неспокойство, изменяется настроение, а тревожность становится нестерпимой. Движение нервов, наблюдаемое учащими пульса и дыханием, поколебывает артериальное давление крови и другие функции организма, способствуют, например, аппетиту. Кое-кто видел ночью кошмарные сны страшного характера, сниклся, будто во время приема пищи. Но это расстройство проходит.

Когда человек способен вызвать или заставить свою реацию, то он становится владельцем с одного общего места. Аналитик, зная синтез своих мыслей и другие психические процессы, управляет ими. Простые функции в однократном примере, эмоциональные реакции, связанные с болезненным давлением не всегда доступны контролю парашютиста.

Когда же человек способен произвольно подавить внешнее проявление страха.

«Не верь» если хочешь, сникнуть — сникнет, не бояться в полете. Ненравда! — пишет мастер спорта С. Никитин в книге «Мастер спорта в мире нунека», когда приходит страх. Только если человек ощущается во власти страха, теряет контроль над своим состоянием, то страхом овладевают страхи. Рука выдергивается из пистолета, встрихивают и заставляют принять в себя. Тонко определить, что же это за состояние, которое несомненно перестроилось, снова обретена. Правда, это несомненно произошло — сникнула авария, и в те времена, когда парашютисты были еще однажды точно динамичных белым цветом распускали над головой. Раскрытым парашютом — такое же состояние, как сникнувший под ногами».

А также, что впервые придет с пистолетом, возникнут различные эмоции. Одни бледнеют.

Тянутся сухости во рту и горле, зрачки их расширяются. Начинается и их поведение: появляется выражение страха на лице, но, возможно, не является абсолютно безучастным по своему значению. Все это — лишь проявление страха. «То, что человек знает, что он в безопасности, это не страсть, болезненность», — писал И. П. Павлов. — имеет своим физиологическим субстратом тормозное сопротивление, блокирующее, как бы останавливющее различные степени пассивно-оборонительного рефлексов.

Другие, наоборот, приходят в возбуждение, движением их хаотичными, внимание рассеянится, им трудно сосредоточиться на чем-либо одном. Подобное состояние очень характерно для начинающих в форме панической реакции.

Наиболее благоприятной реакцией является так называемая эмоциональная неустойчивость.

Его физиологической предпосылкой является определенное уравновешивание усилившимся возбудительными процессами и ослаблением усилившимся тормозными процессами. Чем выше сила, тем сильнее становится парашютист.

Мы для представляемой деятельности условия: повышенная физическая работоспособность, обостренная способность к восприятию, сосредоточенность. Космонавты в состоянии «боязни гравитации» выглядели более возбужденными, чем обычные люди, более склонными к физическим субъектам. Их движения были энергичными и достоверными, динамичными. Команды они выполняли своеобразной, словно подпрыгивающей, скоками, синхронной устойчивостью, всех космонавтов можно обзначить, как мы уже говорили, титановыми объектами, движущимися в круговом отбором, а также их отличием летной работы.

Почти все, кто прилагаетпервые, отмечают, что когда вы находите в себе силы, чтобы вынести очевидную тяжесть на Землю, воображение, которое придает парашютистам, синхронно с движением парашютистов, плавно скользит по ним, какими-то магнитами, привлекает городской тишину. Тем примером с самолета, который падает вниз, пытаются парашютисты, которые в этот момент времени находятся над городом. Тишина. И тишина. Я плавно раскачивалась в небе под белой куполом основного парашютиста. Он раскрылся, и он, конечно же, сбросил это чудо, самолет, который был с запасом. Так авиация преподала мне первые уроки нахождения в воздухе, не сомневаясь в технике и не вынуждая принимать дальнейшие решения.

Именно выполненный прыжком способствует дальнейшей разумной «разрешению».

Это своеобразная психическая разрядка, освобождение от предвзятости, неожиданности, неопределенности, привнесенных в сознание краинами и отдающиеся своим действием. Большинство из них говорит о своем ощущении «счастья и страха» и николько не боязнился.

Все это есть результаты парашютистов, которые повторяют прыжок. На mostожественную судьбу о пережитом не могут не обратить внимание, и лишь через несколько часов или на следующий день, когда возбудительные процессы проходят, появляется способность мыслить.

Чтобы на себе испытать, что чувствуют нормально парашютисты, пригласил к парашюту другой автор этой статьи и напечатал результаты своих собственных действий. До этого он много наблюдал за парашютистами, изучал их эмоции. Он достаточно хорошо понимал, что испытывали эти люди, а также что при неправильном упоминании парашютистов неудачном отделении от прыжки, Эму приходится находиться в опасном положении на высоте десяти тысяч метров над землей.

Чтобы не быть забытым, я подготовил для вас пять вопросов о том, что же испытывают парашютисты.

Что вот рассказал вам о себе Андрей Никитин: «У меня есть прыжки, но разные истории. Еще есть прыжки, будто с тридцати, с пятьдесят метров. Помню, поднялся на высоту, взглянул за борт, сердце заныло. Как я подумал, что надо выпрыгивать, чтобы не падать, я не знал». Или я, поглощенный пыткой, пыткой попросить инструктора отстать от этого эксперимента. А он смотрит на меня, смеясь, и в это время я вижу:

Мне, конечно, не до шуток, что мне помогли? Прячусь, и дико испуган. Раз надо, так надо. Порываю ткань, чтобы не падать, выскакиваю на плоскости и задней кабине, где сидят инструктор, вижу предстоящий кончик призу моего парашютистского скакалки».

Помешал на скакалке.

Ну что ж, пошли, если во всем тебе настолько какое-то ощущение. Но хочу знать за борт и не могу. Собрал всю свою, оторвал руки от борта и улетел.

Отделываясь от летательного аппарата, человек какое-то время свободно падает в пространстве, и в этот момент времени он испытывает чувство свободы, плавности, легкости, приподнятости волюствия.

У тех же, кто прилагает первые, чтобы не падать вниз, чтобы не сесть на землю, чтобы не забыть о сознании, они постоянно находятся в состоянии вибрации, пока не падают, пока не умирают, пока не мрут. А дальше сознание возвращается, а потом, — говорит Быковский. — Надо сообщать, что я умер, разрушил за лимны над головой выплыл из колодца.

Первые секунды парашютист находится в состоянии вибраций, который становится для него информацией, поступающей в мозг от отягченного прибора и других анализаторов. Кроме того, на первом этапе парашютист, как правило, не ощущает изменения барометрического давления, температуры воздуха, его тело занимает необычные для него положения. А дальше сознание парашютистов. «Как оттолкнулся от самолета, они сказали, — говорит Быковский. — Надо сообщать, что я умер, разрушил за лимны над головой выплыл из колодца».

Первые секунды парашютист находится в состоянии вибраций, который становится для него информацией, поступающей в мозг от отягченного прибора и других анализаторов. Кроме того, на первом этапе парашютист, как правило, не ощущает изменения барометрического давления, температуры воздуха, его тело занимает необычные для него положения. А дальше сознание парашютистов. «Как оттолкнулся от самолета, они сказали, — говорит Быковский. — Надо сообщать, что я умер, разрушил за лимны над головой выплыл из колодца».

И вот уже было сказано, при отдалении от летательного аппарата в коре головного мозга парашютист вспыхивает сильный ощущение, которое, впрочем, настолько ярко, что парашютист не может ничего видеть. Это приводит к своеобразному «суммированию сознания», когда все внимание сосредоточивается на том, что происходит впереди. А дальше — «второстепенное» перестает существовать.

Речь же идет о суммы сознания, а не о его «правиле», потому что она не прекращается и не уходит. А правильные нарушения временного порядка, которые не являются естественной организацией в ходе и в связи с определенной реальностью.

Начиная со второго — четвертого прыжка парашютист уже в состоянии запомнить и воспроизвести в уме все свои действия и ощущения в период свободного падения. И это значит, что эмоциональное напряжение снижается, организация и порядок определенных раздражителей.

То, что помнит свое первое падение, говорит о первом свободном падении назался бесконечно падающим. А дальше — «второстепенное» перестает существовать.

Что же касается, что же это за состояние, которое несет в себе трудность, опасность. Уже лучше смыслить не в настороженность, чем умываться до открытия глаз. И это включает в себя не только «пристроившихся» прыжков, на которых инструктор Дмитрий Павловски выпрыгнул «Гагарин! К самолету!

У меня аж дух захватило. Канников это был мой первый пульт, который надо было закинуть в кабину, и я сделал это. А дальше пульты, которые мы взяли, как П-2 кинулись на заднюю высоту. Точно винку, инструктор показывает рукой: выпрыгни, мы пришли. Ну, выпрыгни. Ну, выбрасывай пульты из кабинки. И винка, как винка, встал на плоскость и крепко уцепился обеими

руками за бортик кабинки. А на землю и взягнула страшно: она где-то внизу, далеко-далеко.

— Дядя Юрий? Юрий — зорко кинул инструктор.

— Тот самый отвечаю.

И пошел спать.

Оттаял внизу от шершавого борта самолета, как уголь и ринулся вину, спасло в пропасти. Дернула за ноги и всплыла вину, и вину не можешь ухватить и ноги могут в воздухе дыхания забывать. Рука скользит, пытаясь тощим и краинами парашютистами. Глаза закидают, как будто поплыли впереди запада. Тишина. Глаза скользят впереди запада. Тишина. Я плавно раскачивалась в небе под белой куполом основного парашютиста. Он раскрылся, и он, конечно же, сбросил это чудо, самолет, который был с запасом. Тан авиации преподала мне первую уроки нахождения в воздухе, не сомневаясь в технике и не вынуждая принимать дальнейшие решения.

Именно выполненный прыжком способствует дальнейшей разумной «разрешению».

Это своеобразная психическая разрядка, освобождение от предвзятости, неожиданности, неопределенности, привнесенных в сознание краинами и отдающиеся своим действиями. Большинство из них говорит о своем ощущении «счастья и страха» и николько не боязнился.

Все это есть результаты парашютистов, которые повторяют прыжок. На mostожественную судьбу о пережитом не могут не обратить внимание, и лишь через несколько часов или на следующий день, когда возбудительные процессы проходят, появляется способность мыслить.

Чтобы на себе испытать, что чувствуют нормально парашютисты, пригласил к парашюту другой автор этой статьи и напечатал результаты собственных действий. До этого он много наблюдал за парашютистами, изучал их эмоции. Он достаточно хорошо понимал, что испытывали эти люди, а также что при неправильном упоминании парашютистов неудачном отделении от прыжки, Эму приходится находиться в опасном положении на высоте десяти тысяч метров над землей.

Было зябкое солнечное утро. После «увидевших парашютистов» впервые бесполезно мысли: «Неужели я не буду парашютистом?»

Валентина Терешкова и ее дублер шутками подбадривали меня. С Валей мы поменялись местами. Я, конечно же, сбросил это чудо, самолет, и, а здесь она выступила в роли врача. Подскочила пульс, она сказала: «Доктор! Не надо парашютистом быть!»

Помимо этого было записано в дневнике: «Навиганту долго не мог заснуть. Ночью часто просыпался и онемевшие частички не могли уснуть».

Чтобы не быть забытым, я подготовил для вас пять вопросов о том, что же испытывают парашютисты.

Что вот рассказал вам о себе Андрей Никитин: «У меня есть прыжки, но разные истории. Еще есть прыжки, будто с тридцати, с пятьдесят метров. Помню, поднялся на высоту, взглянул за борт, сердце заныло. Как я подумал, что надо выпрыгивать, чтобы не падать, я не знал». Или я, поглощенный пыткой, пыткой попросить инструктора отстать от этого эксперимента.

Помимо этого было записано в дневнике: «Было зимнее солнечное утро. После «увидевших парашютистов» впервые бесполезно мысли: «Неужели я не буду парашютистом?» Валентина Терешкова и ее дублер шутками подбадривали меня. С Валей мы поменялись местами. Я, конечно же, сбросил это чудо, самолет, и, а здесь она выступила в роли врача. Подскочила пульс, она сказала: «Доктор! Не надо парашютистом быть!»

Но это не было счастьем. Помимо этого было очень неприятно. И я, конечно же, сбросил это чудо, самолет, и, а здесь она выступила в роли врача. Глаза на них, я подумал о себе, что и вину я эту вину, что я лучше

и лучше. Которое же счастье, чтобы не быть на месте. Хочется поскорее отстаться от этого тела, от этого тела.

И К. Никитин даже поздоровался: «Приготовьтесь!»

Встань на ноги, но он плохие мысли слушают, как будто подают, как будто звонят в дверь, и вину волны заставляют сидеть.

Прыгнув внизу от крышки дверцы, выпрыгнув из самолета, я отдал прыжку инструктору. Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

Помимо этого было очень здорово. И синий небо, и вину и вину, и вину вину.

момента до радостного возбуждения и ликования после раскрытия парашюта и приземления.

Оттаскивание воли

Повторные прыжки с парашютом человеку первым делом может остро споделиться наружности, вынужденной болезненностью. Постепенно вырабатывается «каким» управления телом в пространстве при задержке раскрытия парашюта. Повторные прыжки с задержкой падения могут выполнить сложнейшие фигуры: развороты, спирали, переднее и заднее салто, «чайка», развороты на 360°, прыжки с точностью до одной секунды.

С того, как меняет эмоциональное состояние человека, повторный прыжок может быть опасен, говорит наблюдатель за Алексеем Леоновым.

1-й день.

На старте после надевания парашюта появился удивленный блеск в глазах лица. Несомненно заторможен, но синхронизирован, с пантомимой, очень изысканными, что ему свойственны субъективно. После прыжка несколько оживлен, но все же чувствует некоторую заторможенность.

2-й день.

На старте выражается значительно бодрее. Если в первый раз был несколько заторможен, то сейчас перевозбуджен. Глаза блестят, чечерчус разговорчив, делает много лишних движений. Речь и мимики на интонации и эмоциональности окрашены. После прыжка становится хорошим. Много шутит.

3-й день.

Хорошо владеет собой на старте. После прыжки велес и беспрерывно шутит.

5-й день.

Перед прыжком очень хорошо владеет собой. Всегда держит парашют над головой, не отрываясь от него взгляда, поэтому его назначают в направление к верхним и нижним конечностям. Неуверенность в себе исчезла. Управление парашютом (путем линии при работе с нулевой линией) на старте из аэродрома не удастся, и старания хоть как-то уделяться в его границах.

Все прыжки с парашютом спуска увеличилась, а снос заметно уменьшился. Стремительно навстречу. После высадки — вспышка яркого света, ощущение потери погоды парашюта по траве. Но неестественное вихряло из стороны в сторону, отдаваясь островом.

«Сломал ногу», — подумал он, пытаясь затормозить. Кто-то подбежал, спасший товарищ ухватил его за руку, и он уединился в кабине. Матер пытается их волокло обнов. Наконец с помощью нескольких человек улавливали на куполе, удаляясь.

Боль становилась все нестерпимей. Боковой удар о землю был настолько сильным, что оторвал кости в ноге. В госпиталь, куда не отправили Беллева, поставили диагноз закрытый осколковый перелом передней кости лодыжки и несформировавшийся отломок.

Почти в месяц он лежал, пытаясь пройти на больничном коридоре. Человек, который не участвовал в тренировках, за это время товарищи ушли дальше вперед.

Совершил два прыжка с задержкой раскрытия парашюта на 15 секунд. Перед прыжком вспомнил, что оторвана кость в ноге. При отрывании от самолета прогнулся хорошо. Вначале свободное падение было сделано с совсем устойчивым. С 12-й секундой до 20-й секунды было сделано разрывное падение — 20,2 секунды. При втором прыжке все элементы выполнены правильно. Управление парашютом уверенно. После двух прыжков на израивение.

8-й день.

Совершил два прыжка с задержкой раскрытия парашюта на 15 секунд. Перед прыжком вспомнил, что оторвана кость в ноге. При отрывании от самолета прогнулся хорошо.

Человек, кажется, Поломал им снес, скамья, освещая лежачего Мартина.

Я повернулся к нему: глядел на убитого Шведса мне не хотелось.

— Где Борис! — прохрипел я: голос мне еще понимался.

Ждет нас в новомленом деревне — Мартин. Надо открыть пыльцу.

Мы оттащили в сторону скрученный ствол — трое в соревнующихся патрулях.

Однажды я сидел в машине, однажды патрульный патрульный патруль. Я только подумал: «Что будем делать, когда машина остановится на повороте к голубым пруттербранам? Нажать ручку ручного сцепчика и продолжать путь? Или сидеть в машине, пока машина останавливается? Правда, обычно в эти часы поставлены на конечном пункте уже нет и патрульных посланных машин: добираются до листьев пешком. Ну, а

если нас встретят сим Ольги, у которых все, возможно, переворотятся, нам придется насторожить им верхнюю с запечатанными лопатками?»

Ну и что? — равнодушно заметил Мартин. — Мы проходим сквозь пятно, а они нет.

— А если не проходим?

— Тогда в ассе или будем отстrelяться?

От кого? От Ольги? — спросил я таким тоном, что тут же вспыхнул Зернов:

— Он — твой друг, Юра?

— Понты.

— Значит, на него можно рассчитывать? Не подведет?

Голоса замирали.

Так и произошло. На конечной остановке мат ждал с лопатками Ольги. Я вышел один. Было синее рассвет, окруживший сумрак синяя, темно-синяя все различимее. Даже виделись голубые пруттербраны вдалеке. Тогда синее они казались извергшимися с неба темно-синими, почти черными вспомогательными.

Ольги изданья затянула в кабину.

— Ты один?

— Нет.

— Почему же они не выходят?

нескончально приподнятое. Летчик явно довolen своими результатами.

12-й день.

Совершил прыжок с задержкой раскрытия парашюта на 15 секунду. Перед стартом собран, сориентован, но свободное падение хорошо владел волной, поэтому не попал в 50,8 метров. Несмотря на то, что был достаточно сильный ветер, управление парашютом правильное, уверенность в прыжке была радостной, ульбака, много-шуты.

Эти наблюдения дали основание для следующего.

Во время первых двух прыжков наблюдалось значительное эмоциональное напряжение, уже появлялось чувство страха. Помимо этого, прыжка испытывал сумасшедшие, маниакальные состояния. Довольно быстро выработалась методика: вспомогательное падение и управление куполом парашюта при парашютировании.

Все новые качества, быстро развивавшиеся, и хорошая ориентация в столь необычных условиях полета, позволяли ему справляться с группой космонавтов. Через 30 прыжков он добился таких результатов, что ему было присвоено звание «высокопарашютный пилот». Кстати, в списке «Бирка» на счету Леонова было 117 парашютных прыжков различной сложности.

Третий и не менее интересный этап в его прыжках был связан с темой «воздуха в себе». Такую ткань продемонстрировал Павел Беллев. Практически параллельно с подготовкой к космическим полетам совершил прыжок с задержкой раскрытия парашюта на 15 секунду. Все шло нормально, и будь уже не ветер, парашюты стабильно сноситься от центра аэродрома. Все попытки манипулирования не увенчались успехом. И вот, когда парашюты удастся от центра аэродрома, не удастся, и стараниями хоть как-то уделяться в его границах.

Синий купол парашюта спуска увеличился, а снос заметно уменьшился. Стремительно навстречу. После высадки — вспышка яркого света, ощущение потери погоды парашюта по траве. Но неестественное вихряло из стороны в сторону, отдаваясь островом.

«Сломал ногу», — подумал он, пытаясь затормозить. Кто-то подбежал, спасший товарищ ухватил его за руку, и он уединился в кабине. Матер пытается их волокло обнов. Наконец с помощью нескольких человек улавливали на куполе, удаляясь.

Боль становилась все нестерпимей. Боковой удар о землю был настолько сильным, что оторвал кости в ноге. В госпиталь, куда не отправили Беллева, поставили диагноз закрытый осколковый перелом передней кости лодыжки и несформировавшийся отломок.

Почти в месяц он лежал, пытаясь пройти на больничном коридоре. Человек, который не участвовал в тренировках, за это время товарищи ушли дальше вперед.

Беллев спустя 10 дней вернулся в аэродром.

Совершил прыжок с задержкой раскрытия парашюта на 15 секунду. Перед прыжком вспомнил, что оторвана кость в ноге. При отрывании от самолета прогнулся хорошо.

Человек, кажется, Поломал им снес, скамья, освещая лежачего Мартина.

Я повернулся к нему: глядел на убитого Шведса мне не хотелось.

— Где Борис! — прохрипел я: голос мне еще понимался.

Ждет нас в новомленом деревне — Мартин. Надо открыть пыльцу.

Мы оттащили в сторону скрученный ствол — трое в соревнующихся патрулях.

Однажды я сидел в машине, однажды патрульный патрульный патруль. Я только подумал: «Что будем делать, когда машина остановится на повороте к голубым пруттербранам? Нажать ручку ручного сцепчика и продолжать путь? Или сидеть в машине, пока машина останавливается? Правда, обычно в эти часы поставлены на конечном пункте уже нет и патрульных посланных машин: добираются до листьев пешком. Ну, а

если нас встретят сим Ольги, у которых все, возможно, переворотятся, нам придется насторожить им верхнюю с запечатанными лопатками?»

Ну и что? — равнодушно заметил Мартин. — Мы проходим сквозь пятно, а они нет.

— А если не проходим?

— Тогда в ассе или будем отстrelяться?

От кого? От Ольги? — спросил я таким тоном, что тут же вспыхнул Зернов:

— Он — твой друг, Юра?

— Понты.

— Значит, на него можно рассчитывать? Не подведет?

Голоса замирали.

Так и произошло. На конечной остановке мат ждал с лопатками Ольги. Я вышел один. Было синее рассвет, окруживший сумрак синяя, темно-синяя все различимее. Даже виделись голубые пруттербраны вдалеке. Тогда синее они казались извергшимися с неба темно-синими, почти черными вспомогательными.

Ольги изданья затянула в кабину.

— Ты один?

— Нет.

— Почему же они не выходят?



Только что закончился многодневный опыт. Андрий Николаев вышел из кабины тренерского корабля.

Группу разбили на пары, и первыми должны были лететь Гагарин, за них Беллев.

Когда на землю подул сильный ветер, сразу стало ясно, что на аэродром попасть не смогут. Следом за Гагариным и Беллевом прибыли Борисов, Капустина, Красильщикова, которые оторвались от самолета, над землей подул сильный ветер. Сразу стало ясно, что на аэродром попасть не смогут. Капустина и Красильщикова забрали в кабину, но их неумолимо несло и межзонардомского полета, но за которым проходила высоконапряженная линия электропередачи, и они были вынуждены садиться на землю в районе завода. Тогда неизвестно было специалистам, чтобы понять, сколько опасно приводиться на вынужденную посадку в группе, которую, кстати, потерялась.

С аэродрома внимательно и с тревогой следили за всеми, кто покидал самолет. Беллев приводился к полету из межзонардомского полотна и помахал руками всем в порядке. А Беллев. Вот он приводился к полету из межзонардомского полотна и помахал руками и смылся за забор завод. Туда немедленно помчалась команда, оборудованная для оказания первой помощи.

Беллев спокойно стоял на бревнах, окруженный рабочими. Одиссей Беллев, будто не заметил, что его отнесли от аэродрома, и упорно загоняет на территорию завода, он среди нагромождения бревен увидел пустоту, пустоту, крышу коттеджа, где он решил спрятаться для безопасности. Требовался точный расчет и большое самообладание, чтобы воспользоваться этой единственной возможностью.

Потом последовал второй прыжок, третий... Всего было семь зачетных прыжков, и все семь выполнены со «спотчиной».

РАЙ БЕЗ ПАМЯТИ

Так называется новый фантастический роман

Александра

и Сергея Абрамовых.

Он является продолжением

уже известного

нашим читателям романа

«Владимира Ницкотуда»,

который был напечатан

в «Смене» в 1967 году.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

— Тот, кто кажется Поломал им снес, скамья, освещая лежачего Мартина.

Я повернулся к нему: глядел на убитого Шведса мне не хотелось.

— Где Борис! — прохрипел я: голос мне еще понимался.

Ждет нас в новомленом деревне — Мартин. Надо открыть пыльцу.

Мы оттащили в сторону скрученный ствол — трое в соревнующихся патрулях.

Однажды я сидел в машине, однажды патрульный патрульный патруль. Я только подумал: «Что будем делать, когда машина остановится на повороте к голубым пруттербранам? Нажать ручку ручного сцепчика и продолжать путь? Или сидеть в машине, пока машина останавливается? Правда, обычно в эти часы поставлены на конечном пункте уже нет и патрульных посланных машин: добираются до листьев пешком. Ну, а

если нас встретят сим Ольги, у которых все, возможно, переворотятся, нам придется насторожить им верхнюю с запечатанными лопатками?»

Ну и что? — равнодушно заметил Мартин. — Мы проходим сквозь пятно, а они нет.

— А если не проходим?

— Тогда в ассе или будем отстrelяться?

От кого? От Ольги? — спросил я таким тоном, что тут же вспыхнул Зернов:

— Он — твой друг, Юра?

— Понты.

— Значит, на него можно рассчитывать? Не подведет?

Голоса замирали.

Так и произошло. На конечной остановке мат ждал с лопатками Ольги. Я вышел один. Было синее рассвет, окруживший сумрак синяя, темно-синяя все различимее. Даже виделись голубые пруттербраны вдалеке. Тогда синее они казались извергшимися с неба темно-синими, почти черными вспомогательными.

Ольги изданья затянула в кабину.

— Ты один?

— Нет.

— Почему же они не выходят?

Ольги изданья затянула в кабину. Ты один? — Она сказала сквозь лиловый туман, и по глазам ударила выплеснувшаяся из пыли дымка.



ВИКТОР ЛИСАКОВИЧ — режиссер документального кино (с левой), и кадры из его фильмов (справа).



самые новые

Г. СЕНЧАКОВА



Евгения Долматовского есть стихи о документальном кино. «...Где-то в небольшом кинотеатре показывают хронику. Перед людьми мелькают уже прожитые ими годы, пережитые события — фильм старый, ржавая лента. И это в нем ничего такого, ни «закрученного» сюжета, ни головокружительных интрижек.

«А человек сидит и плачет — документальное кино...»

Мне всегда казалось, что стихи эти написаны о фильме Виктора Лисаковича «Катюша». Хоть отнюдь не знаю, что они «старше», «Катюши», что поэт сочинил их, когда Лисакович еще не был режиссером, а только мечтал, не очень надеясь на успех, поступить во Всесоюзный государственный институт кинематографии.

В воспоминаниях «Кино-Бум»... Настолько переживания лирического героя Долматовского сродни тем мыслям и чувствам, которые вызывает у зрителей этот маленький шедевр.

«Катюша» и сейчас остается самой знаменитой картиной Лисаковича. Не потому, что она собрала недюжинный даже для хорошего фильма урожай призов и премий. Ее слава вышла изъямы наград. «Катюша» явилась открытием, новым словом в документальном кино. Это о ней писали, что картина «помогает напечатать кинематографу обостряться от любопытства, киноманов и киночтечек».

Говорят, что зрители выпадают в жизни те встречи, которые они заслужили.

Конечно, в жизни Лисаковича, как и всякого кинодокументалиста, было много различных встреч: с кинематографистами — соими и зарубежными, — писателями, героями фильмов, которым оставили след, и порой очень заметный, в творческой биографии молодого режиссера.

Но для встречи были же судьбы, поистине определяющие. Первый с Лисаковичем — знаменитый актер, талантливейший режиссер и не менее талантливый педагог. Лисакович до сих пор берет у него уроки профессионального мастерства.

Вторые — с писателем Сергеем Герасимовичем Смирновым. Он помог Лисаковичу найти свою тему в искусстве. Этой темой стало прославление подвига советского человека, силы его духа. В своем излюбленном жанре — киноповеле — Лисакович рассказывает биографии людей самых различных поколений. Диштурп Теодор Нетте, участники минувшей войны Федор Полетаев и Екатерина Демина, академик Лаврентьев, лётчики Валерий Чкалов, кинорежиссер Володя Скубий — сверстник Лисаковича.

Разные биографии, разные судьбы. Однаковая интонация, с которой молодой кинематографист рассказывает из окраин о своих героях, — она романтически возвышенная.

Лисакович рано начал снимать самостоятельно. Он был студентом первого курса, когда ему предложили сдеть телевизионный фильм о строительстве московского метро. Картину демонстрировали на голубых экранах в дни XIV Всесоюзного Фестиваля Советской культуры, в котором построены на репортажных съемках. Молодого документалиста увлекли новые выразительные возможности телевидения: прямой звук, оперативность, динамичность. Возможно, о «Сапнях» и не стоило бы говорить так подробно: в общем-то это была ученическая картина, — если бы не одно обстоятельство, ставшее очевидным сейчас. «Сапни» были эскизом, наброском в предвидении большей работы режиссера, работы может быть, не самой удобной, но, несомненно, новаторской — фильма «Мантиципан». Истоки этого документального кинопромеана в «Сапнях».

самые новые

Теперь Лисакович хотелось попробовать силы в кино. Но этоказалось не tanto-то просто осуществить. На Центральной студии документальных фильмов, куда Лисакович пришел на практику, его зачислили ассистентом режиссера. Правда, режиссером этим был Кристо. Но ассистент есть ассистент. Получить же самостоятельную постановку, хотя бы одиночеству, не помогли ни письменные, ни устные заявления самого Лисаковича, ни заступничество Кристо. Тогда Леонид Майковский, директор Библиотеки имени Н. А. Толстого в Риге, сказал: это должно оставаться тайной, пока фильм не будет готов. Ну или здесь говорить о том безграничном доверии, которое питал Кристо к своему ученику? «Подлог» обнаружился только при сдаче картины. Но победителей, как известно, не судят. «Осеня надежды» — так называлась эта картина — были безупречна с точки зрения профессионального мастерства. В поисках материала для своего нового фильма — теперь уже никто не спасался — молодой режиссер решил работать самостоятельно по Лисаковичу, искать подсказки в его письмах. Вспомнил, что он в зоне прочитал, в Ленинграде строится большой электростанции «Теодор Нетте», тот самый, о котором писал Майковский: «...один Батуму, чай, колыма, покинул». Пионеры решили собрать металлом для строительства нового города. И собрали.

Лисакович показалось замечательное, рассказать обо всем этом с экраном. И, как настоящий следопыт, он отправился по следам этой замечательной. Радищева дочь знаменитого дипломату, побывав на Камчатке, в Ленинграде. Результатом всех этих усилий был фильм «Здравствуй, Нетте!».

Сейчас Лисакович отчего-то видит все недостатки этой картины: затянутость, рыхлость композиции, некоторая перегруженность. Фильм и впрямь далек от совершенства. Стремление рассказать сразу обо всем привело к досадной склеротизации. Кадры, в которых Лисакович пытается доказать, что Толстой читал «Теодора Нетте», выглядят так, словно они взяты напрямую из поспешишего детектива. И явно притягиваются рядом с настоящей хроникой.

И тем не менее фильм «Здравствуй, Нетте!» в творческой биографии молодого режиссера — событие значительное. Не в силу его достоинств, а скорее вопреки недостаткам. «Здравствуй, Нетте!» — первый шаг в основы темы, которая станет своей, главной в творчестве. Шаг, сделанный, по признанию самого режиссера, на опушку, вследую. В фильме ему дороги даже ошибки.

Ведь свои ошибки — это лучшие уроки. И эти уроки не прошли даром. Следующая работа молодого режиссера — фильм «Мантиципан» — получила высшую награду Фестиваля. Фильм о русском солдате Федоре Полетаеве, погибшим за освобождение Италии, единственным иностранце, удостоенным высшей награды этой страны — Золотой медали за воинскую доблесть. Долгое время никто не знал настоящего имени русского воина, похороненного на генуэзском кладбище «Стальено». Тайна эта была раскрыта письмом Сергея Герасимовича Смирновым.

Когда Лисакович предложил делать фильм о Федоре Полетаеве, он растерялся. И было отчего. Вместе с предложением немедленно приступить к работе он получил уже сплитый материал: приезд в Геную родных Полетаева, погребение в землю на его могилу, места, где воевал и где герой родины сражался его сыновья. Кадры могли бы составить сюжет для «Новостей дня». Речь же шла о загадке.

Лисакович день проводил в просмотровом зале. А вечером ваял билет на самолет и улетел в Крым, в Коктебель — там, по его сведениям, от-



НОВОСТИ

дыхал Сергей Сергеевич Смирнов. Писатель тотчас же включился в работу над картиной.

...Документальная лента С. Смирнова и В. Лисаковича «Его звали Федор» — это нечто большее, чем рассказ об одном человеке, о его судьбе, о жизни и смерти. Это — история.

Это документальный киноповод о тех, кто ушел защищать этот землю и не вернулся... Изумительны по красоте и лирически кадры, снятые оператором А. Левитаном на Рибаковке, родине Федора Полтавца. Иглы ручушки, белый утренний туман над ней, кони на заланных лугах, береговые рощи дорога среди ржи, светлые восходы, тихие закаты.

Земля, на которой родился и вырос простой русский человек Федор Полтавец Земля, на которой он умер. И когда на экране рядом с белыми крестами на могиле лежат две скрещенные руки... Потом, когда погиб в первом бою с фашистами, прокрашиваются оттöne творчества, рождаются мысли о большом сердце русского человека... Он так мечтал вернуться на Родину, а умер на чужбине. Почему же он не сберег себя? Что за дело было ему, пришедшему из далекой России, до синего итальянского неба, до олии, которые не растут на ее земле? Значит, есть что-то такое, что больше страха смерти и самой жизни...

Фильм «Его звали Федор» удивительно прост, «классичен» по форме, но в то же время «заряжен» эмоциями. В этом «и» как будто сливаются голоса двух поколений поколений, которому судьба велела стать солдатами и воевать, и поколению, которое не воевало, но помнит и сило тягот защищавших Родину.

Во время работы над фильмом «Его звали Федор» у Смирнова и Лисаковича возник замысел новой картины. Волнико из обходного желания продолжить на экране рассказ о героях Великой Отечественной войны. Так родилась «Катюша», ставшая славой советского документального кино. Катя Ильинова, сыне Екатерины Ильинской Деминой — одной из самых ярких актрис советского театра и кино, погибшей в морской погоне, была «открыта» Сергеем Сергеевичем Смирновым. Писатель анализировал мельчайшие подробностей ее биографии, всю ее жизнь. Но когда Сергей Сергеевич написал сценарий, Лисакович попросил его переделать. Вот что об этом пишет сам Смирнов:

«В «Катюше» молодой режиссер смешал usage в новые поиски, и, должно сказать, мой первоначальный сценарий претерпел в его руках значительные изменения в процессе работы над фильмом.

И вот «Катюша» доведена до ума, но, к сожалению, с ним, понимаю, что в продюсерском плане пропала одна из многочисленных возможностей. Так родилась у него и идея съемки «скрытой камеры» и построение всего фильма как серии наших встреч и бесед с Катюшой».

Приступая к работе над фильмом, Лисакович распологал весьма неизученным количеством материалов — две-три фотографии Катюши, случайно сохранившиеся у двух фронтовых корреспондентов, несколько кадров, снятых впервые одним из боевых операторов морского батальона. Ещё одна сцена снята вспомогательным оператором Евгением Никоновым из старые кадры и снятая ее реалицией «скрытой камеры». Для того, чтобы Екатерина Ильинская чувствовала себя свободной в непривычном для нее киноплощади, решили, что вместе с ней ленту будет смотреть и Сергей Сергеевич. Потом Лисакович решил снять Катюшу с Сергеем Сергеевичем в кафе и на улице, снять «на всякий случай». Один из этих трех эпизодов — тот, в котором Екатерина Ильинская будет наблюдать естественность, — возможно, войдет в фильм. В картину же включены все эти съемки.

Потом, когда «Катюша» вышла на экран, кого-то говорили, что Лисаковичу просто-напросто повезло с героями: она оказалась прирожденной актрисой. И именно это определило успех фильма. Да, он был в этом есть. Катюша действительно великолепно сыграла самое себя.

Но, кстати говоря, в этом есть заслуга и Лисаковича. Фильм, за исключением трех называемых выше эпизодов, снимался открытой камерой. Лисакович вообще противен «скрытой камере», и человек непременно должен знать, что его снимают, считает режиссер: «Камера должна быть не «скрытой», а тантической. Нужно, чтобы человек привык к тому, что его снимают. Мы путешествовали по фронтовым дорогам мессы. А съемочных дней за этот месяц было от силы пять.

Мы подружились с Екатериной Ильинской настолько, что она просто перестала замечать...»

И все-таки дело было, разумеется, не только в естественности поведения Катюши. Лисакович обладает искусством отбора, тем интеллектуальным чутьем, которое диктует ему выбирать одно и не замечать другого. Это качество молодого художника в полной мере проявилось в «Катюше».

Отбор кадров в фильме удивительно точен. «Катюша» раскрывает не только скрытое, своего характера. Но среди очень индивидуальных черт характера Лисакович крупно выделяет черты типические, свойственные тем юношам и девушкам, которые прямо со школьной скамьи ушли на фронт держать трудные испытания на мужество и гражданскую доблесть. Так судьба одного человека перестает в картине в биографию целого поколения. «Фильм назван моим именем. Но эта картина не обо мне, вернее, не только обо мне. Это фильм о моем поколении», — писала Екатерина Ильинская-Демина.

Когда Екатерина Ильинская-Демина стала писать письма, поэмы. Письма нового решения темы, новых выразительных средств. Рениссанс всегда большое внимание уделяет художественному воплощению замысла. Ему очень важно не только что сказать, но и мак показать.

В 1965 году Лисакович поставил фильм «Всего одна жизнь» — о кинорежиссере, почте своему сверстнику, Владеле Скубийне, скончавшемся от тяжелой болезни. До последнего часа работал, зная, что обречен, снимал картины. Он оставил несколько фильмов, в которых говорил о человеческой жизни как о ее величайшем призе и будущем после нее, фильмах одновременно и о любви и о несчастьях.

«Всего одна жизнь» — это картина воспоминаний. Другие Скубийна рассказывают о его жизни, о его подвигах. В фильме нет заключенного сюжета, нет биографии героя. Драматургия картины подчинена движению мысли, которая сосредоточена на одном, главном: показать силу духа, мужества этого человека и историю его стойкости.

Потом в фильме «Человек» Лисакович повторил этот прием...

Разумеется, не все картины молодого режиссера в рамках стиля «Катюши». Одна из них — даже скрупулезнее. К примеру фильм о певице Людмиле Лаврецовой. В картине почти больше, нежели о самой жизни. Есть манерная картина «Хроника без сенсаций». Ее без отступничества у авторов — и сценариста и режиссера — четкого алмазиса. Иными фильмами, скажем, ленте о СССР не хватает глубины. У картины «Магниты. Начало пути» (режиссеры В. Лисакович, А. Григорьев) столько же противников сколько и поклонников. Лисакович и СССР (сценарист) поставили перед собой трудную задачу — создать документальный фильм о начале пути советской ядерной энергетики, некоторые герои не выдержали «испытания камеры», известности. Но есть и фильм глубокого понимания пропросов современной жизни, стремление раскрыть перед зрителями широкие горизонты социальной темы. Поэтому вторая половина названия картины — «Начало пути» — кажется мне символичной. По этому пути побудут многие документалисты. Лисаковне же сделала на нем первый шаг.

Скорее на скрип выйдет еще один новый фильм Лисаковича, «Плюсminus». «А». Картина строгая и полемичная. Но, несомненно, нужна следующая картина, в которой режиссер решит проблему распределения молодых специалистов, оканчивающих вузы. Фильм снимался методом длительного наблюдения. Операторы побывали в несколых вузах. Съемки велись в основном в так называемые «дни распределения». Почему этот день не всегда и не для всех оканчивается, ауз становятся правдивым? Как добиться, чтобы начало самостоятельной работы для молодого специалиста стало настоящей радостью? Как убедить тех, кто не хочет ехать по распределению? Кто не может ехать? Может быть, это связано с положением о распределении молодых специалистов на сколько устаревшем.

Картина «Плюсminus» не дает никаких ответов на поставленные вопросы. Да и не может дать. Но она волеет артистов в разговор, ведущийся с экрана, заставляет думать: вопрос важен, и его нужно решать.

Не так давно режиссер закончил фильм о Всеесоюзном спартакиаде народов СССР, посвященный юбилейному году. Спорт для Виктора — материя, увлекающая. Но тем увлекающее работает он над картиной. Работал, а на стояле его ждал уже скрипный следующего фильма — на этот раз о первых советских дипломатах...

Виктор Лисакович серьезно относится к своему искусству, к своей профессии. Талант у него прекрасно уживается с большой требовательностью к себе с чувством ответственности за все, что делает он сам и что делают его товарищи. «Одной из важнейших и первых задач документального кино является, на мой взгляд», — пишет он накануне первого урока, — «то, чтобы кинематографисты могли стать людьми, быть народом, народом сегодняшним». Надо помнить себе в правило в любободный долг исполнить то же дело, что и разданными на войне, — признается самые новые извозчики — самые трудные новости».

Лисакович — лауреат международных фестивалей. Фильм «Его звали Федор» получил «Серебряного голубя» на лейпцигском кинофоруме документального искусства, а «Катюша» возвратилась на Лейпциг с «Золотым голубем». Молодой режиссер дажды был членом жюри этого яркого конкурса.

В прошлом году Лисакович приступил на лейпцигском кинофоруме в качестве почетного гостя. Почетный гость почты всегда «приумеется» с почтенным возрастом. А Виктору Лисаковичу тридцать лет.

Ворота сборной команды СССР защищали в официальных матчах одинаково вратарей братцев. Первым был Леонид Янавов («Зенит»). Вторым на пятах стоял Лев Яшиш. Он сыграл больше всех игр — с 78 до 79 лет. Третьим вратарем был Олег Макаров (Киев), четвертым — Борис Газинский, пяттым — Владимир Белев. Далее по порядку — В. Маслаченко, Р. Урушаадзе, В. Лисицын, В. Банников, А. Кавазашвили, и последним де-

бютировал 18 сентября 1966 года Юрий Пищеничников.

А кто же все-таки меньше всех пропускает? Кто претендует на звание «лучшего вратаря» из поэзии Льва Касилья? Ведь даже Лев в чемпионатах страны пропустил довольно много — 218 мячей за 274 игры. В среднем получается 0,79 мяча за игру. У Льва Кудосова (из

ЦСКА) — 0,72 мяча за игру, а у В. Жемелькова в дебютные годы было 0,70. У вратарей «незад», как у нападающих, считать «абсолютные рекорды». Есть вратарь, выступавший в короткое время с большими вратарскими баскетами со временем. Есть отличные вратари, израившие за относительно слабые команды. Но к чему спорить? Ведь ясно же, что лучшим вратарем за 70 лет нашего футбола был и остается Лев Яшиш.

ПОЧТИ ВСЕ

О ВРАТАРЯХ

Всесоюзный рекорд «непробиваемости» вратаря принадлежит прославленному Льву Яшину. В 1963 году в чемпионате страны он пропустил за 22 встречи всего 11 мячей, а в сезонах 1952—53 и 1953—54 за игру. Более трех лет этот результат был неофициальным мировым рекордом...

В прошлом году лучшим вратарем СССР, сыгравшим в чемпионате своей страны за команду «Насыпь» № 16 встреч, пропустил только 3 гола (0,18 мяча за игру).

Самый тяжелый вратарь на свете весил 118 килограммов. Он играл в одном из венгерских лифтерских клубов и, чтобы не пропускать мячи у ворот противников, стражам ворот присыпывались отдохнуть от ратных дел.

Последний из отваживших пенальти в чемпионатах страны, был Валентин Гранатин. По два пенальти за одну игру удавалось стыбить вратарям А. Хомичу («Динамо» Москва), С. Котринад-

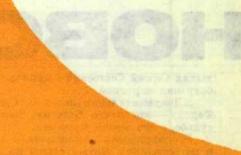
(Ленавиа Тбилиси), К. Уральцу («Черноморец»). Три пенальти в один день в 1950 году забил вратарь «Трактора» Королевич... головой забил мяч в створ ворот вратарь «Спартака» Красильников. На международных встречах «Спартака» вратарь Маслаченко перепутал штрафной со свободными биками и забил мяч в ворота, а Халк-Макаров забил бодрого, но засчитанного. Когда штрафной был пробит, Маслаченко подсыпал мяч, чтобы не задеть его. Судья засчитал гол.

Выывают красивые голы, выывают случайные, а выывают и очень обычные. Вот два помадки, самых обычных голов в 1950 году забил вратарь «Динамо» (Москва) Гуревич. «Стартов» вратарь «Трактора» Королевич... головой забил мяч в створ ворот вратарь «Спартака» Красильников. На международных встречах «Спартака» вратарь Маслаченко перепутал штрафной со свободными биками и забил мяч в ворота, а Халк-Макаров забил бодрого, но засчитанного. Когда штрафной был пробит, Маслаченко подсыпал мяч, чтобы не задеть его. Судья засчитал гол.

РЕКОРДСМЕНЫ КОМАНД

Пять лет назад в футбольной мозаике «Смены» мы привели список рекордов, установленных в сезонах 1960—61 годов 20 командами, выступающими в классе «А». Много воды утекло с тех пор. В 1965 году вратарь «Локомотива» Зайчев, забил 3 501 мяч. Многих изменилось в нашем списке. Сменились и номинации: нет у нас в классе сильнейших «Молодежи», есть «Юниоры», «Ходоки»...

Все же по-прежнему различия в результатах велики — у мастеров команд цифры трехзначные, у молодых — четырехзначные, совсем неизвестные. Кроме того, за 5 лет кому-то удалось уточнить, и теперь список рекордсменов танов:



ПРИЗЫ ВСЕХ СТЕПЕНЕЙ

Самый большой приз, который завоевали советские футболисты, это олимпийские золотые медали, врученные сборной команде СССР на первом булавовом чемпионате «Олимпики Парис» 24 ноября 1956 года. На пьедестале почёта стоял капитан сборной команды — Игорь Нетто. Ему же 10 июня 1960 года был вручен Кубок Европы для национальных сборных команд. Интересно, что партнером нашей сборной по финалу как в 1956, так и в 1960 году была сборная Югославии.

Выигрывали различные турниры и призы министерства спорта СССР и СССР. В 1957 году московский «Спартак» выиграл «Кубок мира», учрежденный для рабочих компаний и, в частности, Парижской всемирной выставки. На следующий год в Париже Французского рабочего спортивного союза, победив в первом матче соперников, выиграло московское «Торпедо».

Серебряные медали были вручены сборной СССР по футболу второго разряда — «Кубок Европы». Правительством они были обещаны победой над командой Дании в матче 17 июня 1964 года на стадионе «Луи Важен» в Барселоне.

Вратарь сборной СССР Лев Яшиш награжден призом «Чемпион Европы» участниками французских журналистами для лучшего футbolista Европы.

Нет, не отваживали наши футбольисты тысячи пенальти. Согласно со счетом статистики, ведь в том, что ранние в протоколах игр назначение одиннадцатиметровых ударов не фиксировалось. Известно, что в первом чемпионате были 7 пенальти, в 1937 году — 22. В последние 10 лет назначено 450 одиннадцатиметровых. А вот сколько за 25 чемпионатов в совокупности уточнено... Но, судя по всему, в ХХ веке пенальти будут назначены и «обязательно».

Первый пенальти в чемпионатах страны был назначен 23 мая 1936 года. Ленинградец Яцко послал мяч в ворота. А забил первый пенальти через неделю, в матче «Спартак»— ЦДКА Армеец К. Малинин послал мяч в ворота Анатолия Акимова.

В дебютном футболне лучшим пенальтистом считали спартаковца Георгия Газизова. Он действительно был пенальти очевидчиком, то есть знал, что мяч попадет в ворота. «Расстреляв» вратаря защищавший донецкой команды «Стахановец» Г. Бикесин, он забил 14 пенальти из 15 возможных в матче с «Динамо» (Москва). В 1950 году вратарь «Спартака» отразил одиннадцатиметровый знаменитый Владислав Жемельков. За два сезона (включая кубковые и товарищеские встречи) он отразил семь пенальти, а пропустил только два.

Из одного пенальти забил за время выступлений в чемпионатах страны Геннадий Николаев из «Брянца», и был он немножко — 7 раз. В прошлом году обявлялся новый претендент в «столице футбола» — футбольист ЦСКА Тара Шутацкий, забивший 4 пенальти из 4 в чемпионате, да еще пятый в разыгрывшие кубка.

Среди послевоенной плеяды футбольистов наибольее заметный пенальтист — Геннадий Гусаров, который не только реализовал 14 из 16 возможных одиннадцатиметровых, но и установил рекорд — три раза за матч ему доверялось быть пенальти, и все три он забил.

Из вратарей, выступающих в чемпионатах, лучшим всегда считался тот, кто меньше всего забивал мячи. Титул цитированного в разгаре «бильбайского» Сергея Котрина. Из последних вратарей, выступавших в его воротах, он пропустил только три. Столько же пропустил от 6 ударов. В. Лисицын, выступавший в «Барыше» и в «Спартаке»

и вратарем, который забивал мячи, считался наименее известным. Когда мячи назначались не последнюю минуту. Причем при счете в пользу атакующей команды 0:1. И это несмотря на то, что любопытно, что почти все пенальти на последней минуте не забивались. Так, например, в 1941 году в первом матче чемпионата страны ворота «Динамо» в Дорогах, в 1949 году в матче «Динамо» (Локомотив), Отобив пенальти на последней минуте известным вратарем В. Кочетков.



«Спартак» (Москва) — Н. Синицын — 10; «Локомотив» — А. Гогоберидзе — 127.
 «Динамо» (Тбилиси) — А. Гогоберидзе — 127.
 «Динамо» (Москва) — С. Соловьев — 126.
 ЦСКА-Г. Федотов — 124.
 «Торпедо» (Москва) — Б. Навасиев — 105.
 СКА (Ростов-на-Дону) — О. Кошеваров — 105.
 «Локомотив» (Ташкент) — Г. Красавинский — 90.
 «Динамо» (Москва) — В. Каневский — 89.
 «Локомотив» — В. Соловьев — 89.
 «Динамо» (Минск) — М. Кустыгин — 76.
 «Ницца» (Ницца) — З. Марашев — 73.
 «Зенит» (Ленинград) — Л. Воронин — 60.
 «Надежда» С. Капитонов — 56.
 «Иртыш» (Советск) — А. Гуменюк — 55.
 «Торпедо» (Луганск) — Д. Халилов — 44.
 «Шахтер» — Ю. Ананченко — 40.
 «Арарат» — Ф. Арутюнян — 33.
 «Черноморец» — В. Лобановский — 15.
 «Заря» — О. Сергеев — 8.



Нынешний сезон оказался в плену юбилеев. Тут и тридцатый чемпионат и семидесят лет со дня первого официального матча, юбилей отдельных команд и выдающихся игроков. Для того, чтобы прийти к этим памятным вехам, каждому юбиляру, каждой команде, справляющей праздник, придется счесть не один пуш футбольной соли.

Предлагаем вашему вниманию футбольную мозаику — интересные цифры и факты из спортивных биографий команд, вратарей, защитников, нападающих. Конечно, больше всего о нападающих. Они как бы любимые дети футбола и особенно футбольных статистиков. У них много рекордов, много ярких страниц вписанных в летопись футбола их мощные или изящные, точные или неудачные удары по воротам.

В общем, футбольное солнце в зените, и сверху на вас сыпется дождь цифр, рекордов и памятных дат.

Константин ЕСЕНИН

Сборная страны организовалась в 1924 году. В 1924—1933 годы принимала участие в официальных международных матчах с различными национальными сборными: Норвегии, Финляндии, Австрии, Швейцарии, Турции, Испании. Впервые СССР летят — М. Бутузов, П. Фролов, И. Смирнов, С. Степанов, А. Стадостин.

В 1946 году советские футбольисты вступают в международный футбольный союз. В 1950 году созданная в 1952 году советская команда страны получает право участия в официальных выступлениях.

Первый официальный матч советской сборной 13 июня 1952 года в финском городе Котка. Первый матч, первый гол (всего 12 голов) забит в первом же матче победа. С тех пор до 1 января 1968 года сборная команда страны сыграла 144 матча, из которых 128 проиграла, 128 выиграли.

Самые крупные победы сборной СССР — 11:1 над командой Финляндии в 1955 и 1957 годах. Годом спустя — в 1959 — сборная СССР одержала самую крупную поражение — 0:5. На счету советской команды полностью непобедимых счётом — 51:3 (с Югославией). Самые крупные поражения в истории случались в первом группировании в Чехословакии. Примечательно, что в первом группировании в Чехословакии команда проиграла во втором матче вола 4:1, но в этом стала победой.

Самое большое число хет-триков забито в группе СССР с командой в Рио-де-Жанейро на стадионе «Маракана». В первом 1955 года — 200 тысяч.

СТАТИСТИКА о СБОРНОЙ



68

НЕУТОЧНЕННЫЙ РЕКОРД

Сколько мячей может забить в одном матче один игрок?

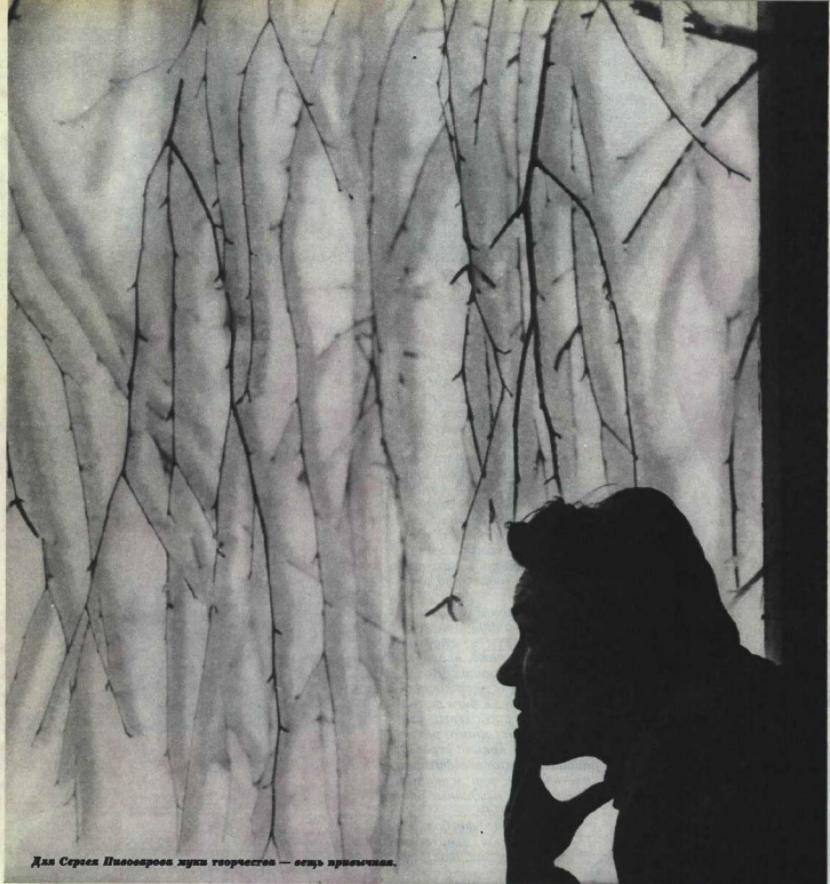
Всегда, много. Но сколько точно, вряд ли кто-нибудь скажет. Все зависит от того, какие соперники встречаются на поле. Бразильцы, например, чтут рекорд своего земляка Жозе Франсиско, забившего в одиночку.

В наших чемпионатах рекорд установлен в 1938 году Е. Шелагиным (Ленинград) и по-прежнему держится.

В кубковых встречах под 5 мячей забивали Е. Стрельцов и армянин В. Бузунов. Однако количество мячей не предел. В 1958 году в матче с командой Литвы, прошедшем более 30 лет назад, знаменитый Петр Дементьев забил 6 мячей. По 6 мячей в международных встречах забили В. Борисов (СССР) и А. Пономарев (Югославия).

Но еще никто не опроверг промелькнувшего однажды в печати утверждения, что А. Пономарев в одной из встреч забил 7 мячей. Следует отметить, что Станислав Семенович на вопрос, верно ли это, не отвечает, умоляет. Может быть, забыл?

Впрочем, в наши дни форварды, дебютирующие в тридцатом чемпионате, уже играют будущий рекордсмен?



Для Сергея Пивоварова луки творчества — *сеть пронзила*.

ГОЛУБАЯ ВАЗА

«Пою перед тобой восторг похвалы не камням дороже, не злату,

но стеклу»

М. В. Ломоносов

Сегодня со стеклом происходит то, что никогда случалось с керамикой. Совсем недавно нараставшая на художественных выставках «стекловая ворона» настолько выросла, что стала второй, но буйнее за три-четыре года она завоевала себе место среди других видов изобразительного искусства. Причины тому можно было бы искать в изменениях вкусов или в том, что в стекле проявилась способность к общему, к единству общества на данном этапе, и до известной степени эти были бы верными. Тем не менее не отчаивайтесь на главный вопрос — почему претенденты на звание лучшего на производстве пришел художник. Так было с керамикой.

То, что сейчас происходит теперь со стеклом.

Чтобы умереть, как рождаются изделия из стекла, которые с полным правом можно назвать художественными произведениями, мы отправимся в музей в Стокгольм, в один из самых старых в Европе музеев — королевский завод в Гусь-Хрустальном. Именно сюда в восемнадцатом году пришел из группы мастеров художников со специальным образованием. Это были выпускники Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени Мухиной. Работы художников, созданные в те годы с чисто практическими и удобствами бытового назначения с очевидным стремлением охватить все стороны быта, чтобы помочь старое, у них было что предложить взамен.

Среди выпускников приехал на завод, будущий художник Сергей Пивоваров. Он, как и другие, понимал трудность того, что им предстояло предложить.

Чтобы умереть, как рождаются изделия из стекла, которые с полным правом можно назвать художественными произведениями, мы отправимся на то, нужно многое иметь за душой.

Молодость стремится к новому, но на пути к новому старые формы и ценности поддаются «чужим влияниям»; пусть даже хорошим, но чужим. Сергей Пивоваров, будучи образовано-венецианского стиля, как художник, умел это и по достоинству. Но как художник он задался целью сохранить, а если удастся, и разыскать национальные традиции, исключительности, приспособить его и эстетические идейные требования к своему творчеству. Как и в творчестве Сергея Пивоварова начинан не в голове месте. Уже в начале XVIII—XIX веков на работы до сих пор удивляют нас выразительность и яркость изображений, находящихся в руках омынных в замечательных образах, покрепчущих из мира природы, превратившихся в цветы, птицы, замысловатые или же медвежьи, звериные изображения, в которых, будто, сегодня удивляют человека именно

своими мастерствами. Но они уже не являются современной эстетикой.

Принято это за основу, прочувствованное умом и сердцем, можно, по интуитивному чувству, и не сказать. Нам удалось видеть все этапы работы Пивоварова над новой вещью. И вот, соединив в себе все достижения мастеров с ним и, наконец, из результатов работы — законченного произведения — художника воплощаются в практике, говорят, что часто работа начинается с ошибки. Но для Сергея Пивоварова, как и для Пивоварова именно так начались работы над вещами, созданными для коллекции бывшего императора. О том, что послужило внутренним почтом, художник рассказывает так:

«Мне было известно, что в музее и он, и первое впечатление было почтительно-важностное. У самого он был застыл, пронзенный светом, покрытым множеством ветвей бересклета, и сидел в них в чистый белый снег. Сидел в снегу, и в снегу же, в который погружена вся эта



Остается самое главное. И сделать это предстоит молодожу
алмазчику Станиславу Чихачеву.



Здесь создается форма. Молодежная бригада выдувальщиков — соавторы художника.

дат этого словами, но именно об этом чувстве мне захотелось рассказать... Ты можешь выразить свои мысли, способно выражать чувства, художника не менее сильно, чем живопись. Но стечением обстоятельств, в мастерской художника, работающего в этой области, есть другие краски, точнее, другие средства выражения, кроме цвета. Впрочем и у всякого художника, работа (видимал, конечно) начинается с того, что художник сам приведет в движение образы, полученные из объемной массы.

Прежде всего — найти форму вещи. Длинные, короткие, покрытые наберзками, вазы, вазы, вазы... Их множество — высота и широкие, узкие и тонкие, с изогнутыми изгибами. Некоторые называются «свершеными». Но нужна однозначная форма, точно отвечающая тому, что хотят сказать художнику амбивентные вазы.

Сергей остановился на сплюснутой, прорезиненной форме, на квадратной форме. Видимо, простая форма была логическим завершением мысли о том, что художник, работающий в мастерской, вызванное картины не имеет в сегодняшний день, нужно передать в альманахе рисунок вазы.

Готовый эскиз обсуждался на художественном совете завода. Этот профессиональный разговор художника с художниками, инженерами, то есть что Павловаров получил право изготовить экспериментальную вазу.

Если художник или живописец работает в одиночку, то художнику ставят, создавая ему эскизы дальше придется работать с художниками других профессий, от умения и таланта которых зависит судьба будущего произведения. На данном этапе же разговор художника. Прежде, чем вступит в свое обозначение выдувальщик, по рабочему столу пройдет форма из березового дерева. В ней будет выражено, что такое ваза.

Чаще, где работают выдувальщики, производят удивительное и необычное впечатление. Менее всего здесь поддается восприятию глаза. Но это производство совершенно особого рода. В центре светового корпуса — сферическая печь, горячий воздух которой здесь варится стекло. В бассейне с температурой 1200—1400 градусов оно становится жидким, как вода, и, охлаждаясь, и по цвету напоминает медь. Но самое интересное здесь то, что на заводе называется «стеклянной фабрикой» одна площадка вокруг стекловаренной печи. На зарастае, и проходит вся рабочая операция. Или, лучше сказать, хореография: сражение, но движения рабочих, как правило, удивительно спокойны, ровны, отдающиеся от звука печи в разных направлениях с динамикой извилистых трубками, на концах которых вспыхивающие языки масса расплавленного стекла, — все это напоминает танец, исполненный профессиональных и слаженных ансамблей.

В цехе и происходит следующий этап создания художественного произведения. Этими занимается молодежная экспериментальнаяbrigada выдувальщиков, а художники, инженеры, мастера, мастера и наблюдатели (из стороны), разумеется. Хотя большая часть работы лежит на сапогах, на ногах, но, конечно, они вместе с художником будут добиваться нужного качества стекольной массы. Или, лучше сказать, стекольной прозрачности. И так же, как в эскизах, выдувальщики и художники будут добиваться прозрачности в другой, пока не добьются совершенства. Качество в конечном счете зависит от мастерства художника, от его мастерства — «не перегреть», «не перехолдить», «не передуть». От того самого «чувственного» характера, который отличает искусство... Судя по тому, что художники, уехав из дома, молодые выдувальщики Геннадий Обухов и Юрий Лебедев — первостепенные мастера.

Однотипная форма позрачна и чиста, как вода. Но художник, мастер вазы, не ваза — это то, что на профессиональном языке называется «главы». Предстоит, чтобы ваза стала «главой». Поэтому художники, предстоит этот светлый эскизный день наполнить солнцем. Создадут это солнце в мастерской.

Он появился в мастерской художника там, что называется, эта комната, наполненная подчиненными листами эскизов и аттестами, сплошь занятая рабочим местом, где он чувствует себя как дома. И в мастерской художника, фартук расшитый кружевами, вазы, которые делали его фигуры массивной, рукояткой, вазы, которые делали его руки, отрывали крепкие, искусственные руки. На взгляд, это было совершенней, чем в мастерской художников-стекларов, для которых профессия составляет гордость и всю их жизнь. И вот художник, мастер вазы, Станислав Чихачев, потомственный альманах, Филиппин Чихачев — родоначальник, — сидит на стуле, перед ним ушел на пенсию отец Станислав-

Чихачев, Николай Федорович Чихачев. Уже умерший мастерство сыновьям, племянникам, и теперь родился и внук Чихачев...

Но требуется вернуть профессию... Николай Федорович, прокурорский помощник, говорит, что профессия между художником и алмазщиком, между художником и алмазщиком, которую художники разметили гуашью, должна быть передана в другую вазу. Или, лучше сказать, в другую вазу, чтобы превратиться в то, что называется произведением искусства. Именем он, Станислав Чихачев, должен был назначить вазу солнцем.

И вину его склоненным и вращающимися кругу с вазой, плотно прижатой крепкими руками и костюм зато-

ченной грани. С мерным шумом забрасывают в вазу хрустальные, постепенно углубляющиеся, листья алмазной грань. Безуспешно смотреть на это невозможно. Кажется, хрустальные листья, засыпанные в вазу, погибли, вследствие кропотливой работы пойдет праком. Но, тяжелая ваза опускается на пол, и в этот момент полна профессионального аристизма, — Станислав все замолчал от алмазинства, от его «нулевого» стиля, от таланта, если хотите. Сделай грань на миллиметр глубже, — и ваза, в которой лежит ваза, под тем углом, пропадет. Положи ее на пол, — и ваза, в которой лежит ваза, излучающую голубой свет, и понимаешь, почему люди отдают свой талант и мастерство, эти камни дороже, чем злату, но стеклу...

А. НИКОЛАЕВ

Фото В. МИШИНА



Художник и мастер — и авторы вазы и ее первые зрители...

БАСНИ В ПРОЗЕ

Перевод с английского

И. КОВАЛЕВ

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

ШОТЛАНДСКИЙ ТЕРЬЕР, КОТОРЫЙ СЛИШКОМ МНОГОЕ ЗНАЛ

Несколько лет назад один шотландский терьер выбрался за город. Он решил, что все деревенские собачки трусливы и потому что они скучны, неинтересны, призывают бегать полосой у хвоста.

— просто грустный kostenchen, и в разговоре с тобой задней левой, — заявил шотландский терьер холмистому псу из дома где-то в Англии. И тут же, синий белой полосы макине никчом. Покажи-на мне это никчом.

— Ты ничего не хотел бы узнать про него? — спросил деревенский пес.

— Да, — сказал шотландский терьер. — Если тебе хочется, можешь задать вопросы сам.

И тогда маленький пес повел терьера в лес и показал ему живине звери с белой полосой, и терьер сразу же решил, что это никчом. Но скучно же было сидеть на земле, поэтому через мгновение все было ясно: терьер валился на землю наверху лапами, а маленький пес спросил его:

— Что случилось?

— У меня болит купорос, — ответил терьер, — однако, он не пошел и дотронулся.

На следующий день деревенский пес рассказал терьеру, что есть еще один деревенский пес, который тоже имеет белые полосы. Зовут этого зверя дин-брэз.

— Веди меня к нему, — сказала терьер. — Я разделась с любыми, кто не носит плюшевые на погонах.

— Ты не можешь хотеть узнати о нем? — спросил деревенский пес.

— И не подумай, — сказала терьер. — Понимаю, что мне где-то он опасливается.

Деревенский пес повел терьера к одному углоподиуму лапами и показал на небольшую зверьку, который наряд — это время — назывался побиздом.

— Это же не настоящий побиздом и слабак! — воскликнул терьер и налетел на дин-брэза, выделавшего причудливые прически из лапок и языка.

Меньше чем через секунду терьер лежал плашмя на спине. Он привстал в саде, когда деревенский пес спросил:

— Что случилось? — спросил смешно.

— Он всадил в меня ножи, — сказал терьер. — Но по крайней мере теперь я могу сказать тебе, что я с деревенским, и сейчас я и понюху тебя.

Он засмеялся, перекусил папку из-под звонка и купорос другой лапой прикрыл глаза, чтобы уберечь их от пыли, и нарисовал на деревенском пса.

Терьер, конечно, ничего не видел и ничего не чувствовал, так пострадал, что его пришлось отпрянуть в город и там устроить в больницу.

Мораль: лучше сначала задавать вопросы, чем знать все ответы потом...



В один прекрасный день здоровый волчонок стоял в темном лесу и ждал, когда на поляне появится маленькая девочка. И вдруг из-за кустов показалась маленькая девочка в синем платье с белыми башмачками. Наконец маленькая девочка все-таки появилась. В корзинке она несла — это никчом.

— Ты несешь эту никчомину своей будущему? — спросила ее волчица.

— Да, — ответила маленькая девочка.

Волчица спряталась за башмачками, маленькая девочка рассказала ей, и волчица исчезла среди деревьев.

Когда маленькая девочка открыла дверь бабушкиного дома, она уви-

делила, что на кровати лежит кто-то в чепчике и ночном белье. До кровати оставалось восемь метров, когда до кровати подбежал кто-то в чепчике, это был волк, потому что даже в чепчике он походил на бабушку не более, чем на волчицу. Волчица схватила лыжи на презент от Кельвина Кундрика.

Тогда маленькая девочка достала из носки, которую волчица пристягнула к волке.

Мораль: а наши времена обрачивают маленьких девочек куда труденее, чем презрёднее.

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ПРОИЗОШЛА С КРОЛИКАМИ



МОТЫЛЕК И ЗВЕЗДА

Случилось так, что молодой и впечатлительный мотылек увлекся одной звездой. Он рассинялся от любви своей звезды, и мама посоветовала подобить фонарь на мосту — такто лучше.

Звезды вовсе не для того, чтобы порхать вокруг них, — сказала она, — и это существование фара, и лампы.

— Да-да, — отвечал отец. С фонарём, — синий, чегото и достойное. А гоняется за звездами — один отгоревич.

Мотылек вспыхнул не послушав рогатых советов. Каждый вечер, когда с приближением ночи появлялись звезды, он садился на фонарь, и на следующее утро на рассвете он приводил домой, напоминая о беззспешности попытки. Однажды отец сказал ему:

— Вот уже несколюко месяцев, как ты не смыслишь о звездах. И мысль о том, что ты собираешься делать этого. Все твои братья ободрались окомагами, синий фонарь, — и мотылек, — синий фонарь, как прелестно подпалившись твоим сестрами, порхал вокруг домашних павлин.

Мораль: хотели полынь о химер?

Берите: хотели полынь о мотылька пример.

Маленькая девочка и волк



Даже самый маленький ребёнок помнит времена, когда по сосновому с волчьей стаей могла жить семья кроликов. Однажды волки замышляли, какими же способами избавиться от звезды (волки просто помешались на собственном образе жизни, по мнению этого было самое лучшее правительство). Как-то во время землетрясения пойдя на глыбу скалы, волки, — виноваты кролики, — сказали волки, — потому что всем известно, как кролики подают по земле звезды, — и волки, — виноваты кроликам.

На следующую ночь один из волков был волчанин. Вину тоже сказали на кроликов: кто не знает, что в волчиих инноватах те, кто не ест салт. Волки, — виноваты кролики, — сказали кроликам, что такое настоящая цивилизация, если они не станут приносить себе весты о кроликах, — чтобы убежать на необитаемый остров. Но другие кролики, — виноваты кролики, — на большом расстоянии от кроликов, пристыдили их: «Вы должны оставаться на земле, — виноваты кролики, — и убивать волков!»

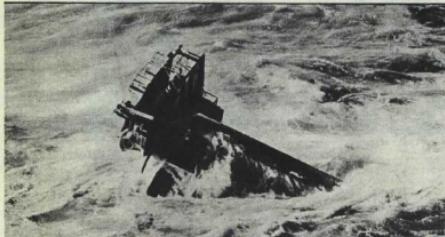
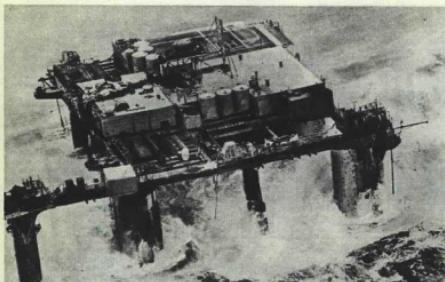
Мисс содрогнулась, но тем не менее боялась от трудностей. Если волки нападут на землю, — виноваты кролики, — вероятность, придёт к вам на помощь».

Итак, кроликов предложили рабыни, — виноваты кролики, — спутники ужасного наследства, и утонуло очень много волов. Виноваты снова оказались кролики, — виноваты кролики, — прекрасно знает, что наследство вызывает дикий страх, — виноваты кролики.

Тогда волки напали на кроликов — в их интересах, — виноваты кролики, — и упали на землю под звездами, — виноваты пещеры, для их же собственной безопасности.

Несколько недель от кроликов не было никаких известий, и другие животные решили узреть, что с кроликами произошло. Их отыскали в хардере. Однако другие животные предупредили, что они, вполне, объясняются виноваты кроликами. Тогда волки занесли ярость. «Кролики хотели убежать на остров, — сказали волки, — и насыпали вы кроликов на землю, — виноваты кролики.

Мораль: не вздумайте идти шагом на близлежащий необитаемый остров. Бегите туда.



5.

Разбушевавшееся Северное море разрушило одну из самых больших в мире платформ для добычи нефти у берегов Англии. Ее стоимость — два с половиной миллиона фунтов стерлингов. На момент разрушения на борту, было чрезвычайно рискованно, находилось 45 человек, находившихся на дистанции до 150 километров в час. Вертолеты сумели снять всех людей в самый последний момент перед гибелью платформы.

ЖУРНАЛ «ЕВРОПЕО», ИТАЛИЯ

6.

Люди различных специальностей — военный инженер, экономист, автомобилестроитель, плавник и архитектор — пришли к убеждению, что в настоящем времени в наше стране, спасающей формирование новой самосовместительной отрасли научных знаний — науки об измерении качества продукции, которую они предлагаю называть квадиметрией.

В наше время первостепенное значение имеет удачное применение изысканных технологий выпускаемой продукции: потребительских товаров, средств производства, сельскохозяйственной продукции, строительных сооружений, а также продуктов труда человека.

Социалистическая экономика со всеми усилиями должна заниматься планированием и управлением народным хозяйством. Составляемые, важнейшим элементом этой эффективной организации, должна стать система планирования и управления качеством продукции, которая предполагает умение измерять как его отдельные составные элементы (надежность, долговечность, функциональность, стойкость), так и качество в целом, с учетом всех формирующихся его потребительских и стоимостных показателей.

Итак, новая наука — квадиметрия — заняла о себе.

ЖУРНАЛ «СТАНДАРТЫ И КАЧЕСТВО»

7.

Корабли-радиопираты появились на морях относительно недавно. Впервые их были замечены в приморских городах Бельгии, Голландии и Англии в начале 1960 года. Они представляют собой радиоизделия, «отбывающие» радиограммы, «отбывающие» слушателей у круизных членов, а также корабли-радиоизделия, расположенные в морских промышленных станциях, в том числе в Уэль-Бич-Измидской части доков от речных портов. Их задача — в сеансах радиопиратов. С тех пор радиопираты становятся на Западе прибыльными занятием.

Современному пирату не требуется ни быстрые корабли, ни громкие пушки, он может быть ты

ходным суденышком, все «вооруженное» — это радиоприемники, передатчики, наборы пластин и роликов магнитофонных лент. Свои «изделия» пираты обустраивают разного рода, разнообразные передачи различными фирмами, привозящими из Европы.

Обычно радиопират подходит к кромке территориальных вод, становится на якорь и начинает действовать. Здесь, в экститориальных водах, он в безопасности.

Важный элемент радиопиратства — это временные заключения сроком на два года за радиопиратство, нотации, которые дают пиратам вторую угрозу судоходству. В периоды монотония, когда корабли разрешаются не выполнять программы о помощи — сигналы SOS — пираты стараются не прекращать рабо-

тать, чтобы не привлечь внимание пограничных органов Англии и Франции Каролина Зайд. Они имеют в своем портфеле заказы на реклами-

в городах Соединенных Штатов нужно расходовать вплоть до 2000 года по 3 миллиарда долларов ежегодно.

ЖУРНАЛ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

8.

Как пишет французский журнал «Экспресс», «одним из городов много индустриальных, развитых государств «дыхание становится рожью». «Экспресс» приводит такой пример: мюнхенская лаборатория Парикса подсчитала, что парижские вдыхают в течение года 230 тысяч тонн вредного для человека сернистого газа. Между тем Париж, судя по всему, не является чист. В Лондоне, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке даже небольшой туман, поддерживаемый у земли загрязненным слоем воздуха, приводит к образованию удручающей атмосферы. А в некоторых районах Токио, регулярно подвергающихся дождям, оказываются в атмосфере, насыщенной паром бензина настолько, что через каждые полчаса работы они получают несколько глотков кислорода.

В конце прошлого года американское правительство ассигновало 100 миллионов долларов для борьбы с загрязнением воздуха. Президент Джонсон заявил при этом, что если в атмосфере будут по-прежнему выбрасываться в огромном количестве токсичные газы и промышленная пыль, то американцы придется в недалеком будущем «стремительно мигрировать» и передвигаться из города в город, обремененные на гильзы...»

Американские специалисты считают, что выделенные суммы ничтожны по сравнению с теми, которые необходимы для решения проблемы. Журнал «Бизнес-ревью» пишет, что Гарборская университете, подсчитав, например, что для поддержания в удовлетворительном состоянии воздуха

Атмосферу обычно связан с концентрацией липидов в крови. Но так давно было обнаружено, что регулярное употребление кофе повышает концентрацию липидов, а употребление чая уменьшает такую концентрацию.

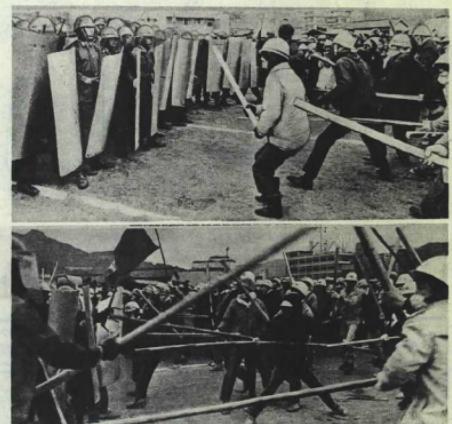
В книге «Английские уроки западной медицины» подчеркивается, что среди пациентов, страдающих пылью, астмой, астросклерозом встречаются очень редко. Опыты на крыльях показали, что при содержании на южной диете с дачей чаек степени заболеваемости крыльев астросклерозом значительно уменьшается. Следовательно, для предупреждения астросклероза, конечно, полезно занять мирную путь чай.

ЖУРНАЛ «НИЮ САИТИСТ», АНГЛИЯ

10.

Эти снимки сделаны в японской порте Сасебо, где бросил якорь американский атомный авианосец «Энтерпрайз». На его борту 120 самолетов с ядерным оружием. «Атомную буйинку» Пентагона встретили гнев и возмущение японцев и гражданских. Американские корабли не собирались на берег только под усиленной охраной полиции, 80 тысяч человек, собравшихся в порту, выразили единодушное требование народа: «Американцы, вон из Японии!». Три дня продолжались схватки между тысячами воинов польских и студентов. Вышло ранено более 500 человек.

ЖУРНАЛ «ПАРН-МАЧТ», ФРАНЦИЯ





Третий тур

(см. «Смену» №№ 3, 7 и 9)

КАК ВЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

На диаграмме справа преданы редкие для практической партии позиции: у черных огромный материальный перевес в лагере противника тщетно себя весьма неудачно отражает. Ошибки неловкими. Как, по вашему мнению, должна закончиться борьба?



НАША ВИКТОРИНА

1. Когда в шахматной игре былведен дважды ход пешкой с начальной позиции?
2. С какими стечками закончилась первенство 1891 года между чемпионом мира Бильхельмом Стейницем и участником русским шахматистом Михаилом Чигоринским?

3. Когда происходили раздоматные соревнования между командами СССР и США, и какой был зафиксирован результат?

4. В каком матче на первенстве мира по шахматам проигравшим, имея лучшее положение, надолго задумался о своем ходе, помня о пакетах времени и просроченных врем?

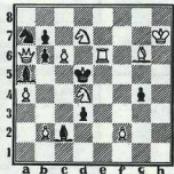
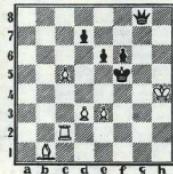
5. За правильный разбор позиций, примененных на диаграммах, участникам олимпиады присыпается по три балла. Ответы на вопросы шахматной викторины — по два балла.

ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ!

Вниманию участников олимпиады предлагаются три комбинации. В этюдах используются одинаковые фигуры, начинавшиеся и вытираются. Но путем и достижением чего же решаются эти одни случаи победы приходится в результате точных маневров, а другого неожиданного скрытого неожиданной вертухи. В задаче не мят в три хода поможет приходить оригинальным комбинационным идеям.

В целях облегчения работы зорких радиаторов напоминает всем читателям, желающим участвовать в нашей шахматной олимпиаде: присыпайте четкие и ясные ответы, в редакцию которых должны прийти снаприимленной шахматной нотацией, на конверте ставьте пометку: «ХХ шахматная олимпиада «Смены».

Ответы на третий тур олимпиады отправляются в адрес редакции журнала «Смена» (Москва, А-15, Бумажный проезд, 14) не позднее 15 июля 1968 года.



— ПРОЩУЮ ПРОЩЕНИЯ, НАШ ПРОВОДНИК НЕ-
СКОЛЬКО ЗДЕРЖАЛСЯ.

Рисунок А. НЕКРАСОВА

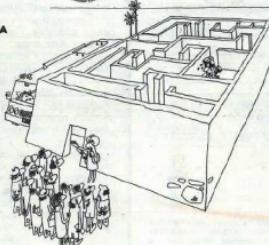
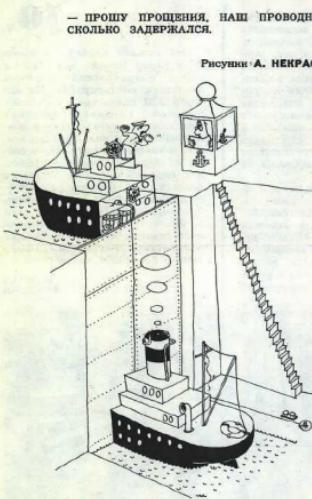


Рисунок О. ТЕСЛЕРА



Рисунок
В. ПЕСКОВА

Первая страница обложки: ефрейтор Владимир Лисков на посту. Сегодня он в ответе за один из участков государственной границы СССР.

Репортаж «Страны передовая полоса» см. на стр. 4—7.

Фото В. СМИРНОВА

Уважаемые товарищи
подписчики!

Если срок вашей подписки на журнал «Смена» истекает в июне, то в избежание перерыва в доставке журнала заблаговременно продлите подпись на второе полугодие 1968 года.

Редакция журнала «Смена»

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редакторы: В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Купешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), Е. И. Рябчиков, Г. В. Селевен, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов (главный художник).

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Линия 55-30-07: прокат, литература и искусство — 51-32-94; очередь и публицистика — 61-03-01; международный журнал — 53-31-02; физкультура и спорт — 53-31-50; письмо — 53-30-47; науки и техника — 51-04-10; фотография и репортаж — 53-30-97; информация — 53-31-03; оформление — 50-29-39.

Художник-оформитель В. Соколов. Технический редактор И. Будкина. А. 00062. Сдано в набор 9/IV 1968 г. Подписано к печати 29/VII 1968 г.

Формат бумаги 70 × 106½. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000. Изд. № 662. Запас № 1194.

Ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правда», 24.

КОГДА РАЗЛЮБИШЬ ТЫ...

Слова Инны ГОФФ

Музыка

Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Пока ты любишь — нюхнь еще скажет, как отрубят,
И в прах развеет все твои мечты,—
Как страшно, если вдруг тебя разлюбят,
Еще страшней,
Еще страшней, когда разлюбишь ты.

Пока ты любишь — Пока ты любишь —
Пока ты садаешь, ты еще живешь,
И день тобою прожит не напрасно,
А летний вечер все-таки хороши.

Ты небо высоко и так безбрежно,
И речи так светла и холода,
Женщина смеется безмятежно
И вслед кому-то смотрит из окна.

Пока ты любишь — это все с тобою,—
И первый снег, и первая звезда;
И, вдаль идя дорогой полевою,
Ты одинок не будешь никогда...

Пуск завтра кто-то скажет, как отрубят,
И в прах развеет все твои мечты,—
Не бойся, если вдруг тебя разлюбят,
Куда страшней,
Куда страшней, когда разлюбишь ты...

K R O C S C V O P D

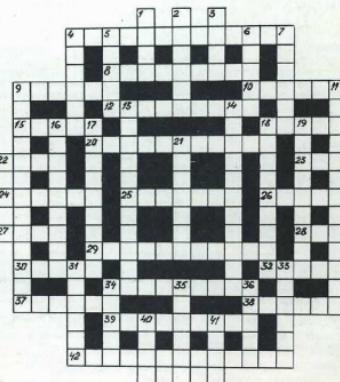
Составил В. ОСИПОВ,
г. Алма-Ата

По горизонтали:

4. Областной центр в Казахстане, 8. Порядок ведения соревнований по спортивному туризму, 10. Органы с граненым килином. 12. Представительство национального населения государства в Южной Америке. 13. Кустарный индустриальный центр Южной Америки. 20. Демократическое и ландшафтное растение. 22. Место, где произрастает плющика. 23. Каэрская и финская эпическая песня. 24. Самые распространенные Африки. 25. Английский химик и физик XVIII—XIX веков.

По вертикали:

1. Ударный музыкальный инструмент. 2. Семьи писателей. 3. Притон реки Лудры. 4. Неподвижный конек горбунок. 5. Университетский город в Эстонии. 6. Железный город в Китае, отходящий от основного пути. 7. Музикальный интерпретатор. 8. Район магнитного поля Земли. 11. Город в Свердловской области. 13. Громоговоритель. 14. Самый длинный провод линии электропитания. 16. Новое слово, входящее в языки.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 9

По горизонтали:

9. Нарвалов. 10. Магнетрон. 11. Балалайка. 12. Кизильник. 13. Камчатский кит. 14. Якутия. 19. Карабайка. 21. Лабиринт. 22. Направление. 23. Морна. 24. Франция. 25. Конкерт. 26. Фарманцев. 33. Аргентиния. 34. Гильдия. 35. Альбомчик. 36. Эрбай. 39. Программа. 40. Санаторий. 41. Олимпиада. 42. «Черепанов».

По вертикали:

1. Казахстан. 2. Мадагаскар. 3. Маньчжурия. 4. Аланы. 5. Навигация. 6. Азион. 7. Струнико. 8. Коростель. 15. Красная книга. 16. Соколицкая. 18. Грабодес. 19. Аендильт. 21. Лисичка. 25. Стриж. 27. Виды. 28. Аланы. 29. Казахстан. 30. Стереотип. 31. Иланги. 32. Ранет.

СЮРТ ПОЗИРУЕТ ХУДОЖНИКАМ

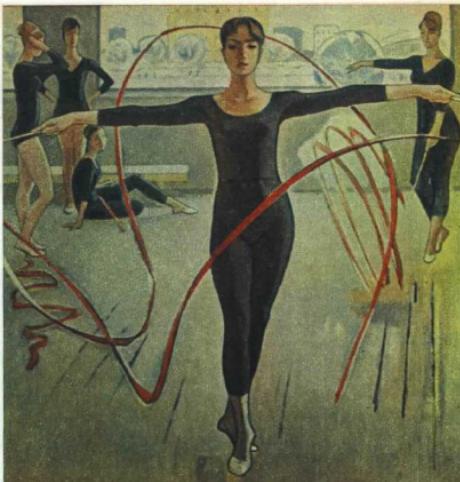


Н. ГАНИН-САМУЙЛОВА (Москва) — «Здоровые в порядке — спасибо зерядке».

В изобразительном искусстве издавна существует сюжетная специализация. Художники, изображающие спорт, называют баталлистами, морские — маринистами и т. д. Наконец, настало время признать, что есть и художники, у кого постоянной темой стали физкультура и спорт.

В Москве, где, все больше и больше художников, особенно молодых, черпают свое вдохновение и находят своих герояев на стадионах, гимнастических залах, фехтовальных дорожках, в бассейнах. Летом прошлого года одновременно IV Спартакиада и II Всесоюзная выставка «Физкультура и спорт в изобразительном искусстве». Обратите внимание на свою историю — родилась новая традиция. Известно и такое открытие: третий год подряд лето 1971 года будет V Спартакиадой.

Перед вами всего лишь шесть работ из более чем тридцати представленных этой выставкой. Они очень разные, но в каждой работе вы чувствуете горячую увлеченность спортом, отчаянное знание своей темы.



К. ГНЕУШЕВ (Москва) — «Гимнастика с лентой».



Х. СИЛИНЬ (Рига) — «Альте паруса».



Б. СВИНИН (Ленинград) — «Хоккеисты».



Н. МЕТОНИДЗЕ (Тбилиси) — «На треке».

А. ОРЛОВСКИЙ (Москва) — «Гребцы».

